

ЛЕОНИД БОЙКО

МЕТАМОРФОЗА

ГЕРМАНА ХАСКИ

Леонид Бойко

Метаморфоза Германа
Хаски. СОМНИЯ

«Издательские решения»

Бойко Л.

Метаморфоза Германа Хаски. СОМНИЯ / Л. Бойко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963115-2

Благодаря череде злосчастных событий Герман Хаски пробуждается в новом, неизведанном и опасном мире. Век величия человечества позади, Землю поразил лик леденящей скверны. Планета погрузилась в вечный сон, на ее просторах почти не осталось ничего живого. Герман всеми силами пытается противостоять как гнету жгучего мороза, так и «внутренним демонам», с которыми ему предстоит разобраться на пути к заветной цели.

ISBN 978-5-44-963115-2

© Бойко Л.
© Издательские решения

Содержание

КНИГА ПЕРВАЯ	6
ГЛАВА ПЕРВАЯ	6
ГЛАВА ВТОРАЯ	14
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	25
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Метаморфоза Германа Хаски СОМНИЯ

Леонид Бойко

© Леонид Бойко, 2019

ISBN 978-5-4496-3115-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КНИГА ПЕРВАЯ ОКОВЫ ИЛЛЮЗИЙ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Смерть лишь преддверие жизни.
Мы живы сегодня и будем жить вновь,
Вернувшись во множестве обличий.*

В этот прекрасный летний день, когда солнце дарует свое тепло каждому своему встречному, я торопился попасть в гости к своему давнему приятелю, которого не видел с университетской скамьи. Его убежище – небольшая съемная квартира на окраине города, до которой мне предстояло добраться, пересекая городские джунгли мегаполиса, находилась в десятке километров от моего дома. Но, несмотря на долгий путь, воодушевившись его приглашением, в котором значилась презентация его величайшего изобретения, я поторопился на встречу, упуская свой выходной день. Мой давний друг по имени Алекс, о котором идет речь, в нашем давнем кругу его прозвали Тесла (в основном из-за того, что он все время возился с техникой и электроникой), окончил тот же технический университет гораздо успешнее меня, едва ли не покорив студенческий Олимп. По складу Алекс был внимательным и усидчивым студентом, впитывал все знания, дарованные преподавателями-профессорами, точно губка. Окунаясь в омут воспоминаний, стоит заметить, что наши с ним взаимоотношения носили больше взаимовыгодный характер, чем бескорыстный и дружеский, как это бывает в нередких случаях гармонии между людьми. Тесла зачастую помогал мне с практическими лабораторными работами, которые представляли собой монотонный труд, а я, как единственный спутник его многогранной и сложной личности, был для него социальной отдушиной и источником общения как немаловажной потребности для любого живого человека. Поэтому, направляясь в пристанище своего давнего друга, я был полноценно уверен в том, что первым (и, возможно, единственным, кому он доверит подобную честь) стану свидетелем его нового изобретения, на которое, по его словам, он потратил годы кропотливой работы, налаживая его до работоспособного состояния.

Оставив свой автомобиль дома, в тщетной надежде сэкономить время на дороге, я выбрал подземный транспорт, многократно пожалев об этом. Воскресный теплый день благоволил притоку туристов, заполонивших не только центральные улицы, полные достопримечательностей, но и метрополитен, протолкнуться в котором, казалось, было невозможно. Заняв выгодную позицию между несколькими полными дамами, одетыми в предельно пестрые и вызывающие наряды, я старался погрузиться в себя, задумавшись над предстоящей презентацией своего товарища. Тесла лишь обмолвился о предстоящем открытии, пообещав лично продемонстрировать столь величайшее изобретение, толком не вдаваясь в детали, лишь разжигая во мне пыл интереса, оставляя легкие нотки интриги.

И вот спустя несколько часов, проведенных в неприлично тесном контакте с неизвестными мне людьми, перебираясь по запутанным нитям метрополитена, точно ловкий паук, я вышел к назначенному адресу в захудалый микрорайон, который предназначался для местных пролетариев, работающих по соседству. Кирпичные заводские постройки, выстроенные вдоль центральной дороги, примыкающей к станции метрополитена, извергали из своих труб сгустки темного клубящегося дыма, частично угнетая местный колорит. Дорога до дома Алекса была крайне неудобной, и, наконец, завидев его у парадной двери скромной довоенной многоэтажной

постройки, я искренне улыбнулся, встретив своего товарища, который лишь издали ничуть не изменился.

Обменявшись рукопожатием, я заметил, насколько ледяным казались мне его ладони. Они были влажными и холодными до ужаса. Вглядевшись в его лицо, скрывающееся за громоздкими очками с колоссальными диоптриями, я разглядел в нем многоликую тень тяжелого труда, следы многочисленных бессонных ночей. Его глубокие глаза были обведены синими контурами, сам он был бледен, точно привидение, поспешно покинувшее Кентервильское поместье. Неряшливый вид дополнял запачканный чернильным маслом свитер, на нижней части которого вырисовывались запеченные от искр прожженные дыры, оставленные после невнимательного курения. От Теслы разлило приятным сигаретным ароматом, который моментально напомнил мне о студенческой жизни.

– Герман, мой дорогой друг, здравствуй! – радостно улыбаясь, проговорил Тесла. Алекс имел дурную привычку не выговаривать некоторые буквы, в том числе звонкую «р».

– Здравствуй! – я ответил на его рукопожатие. – Ну, где же то чудо, за которым я приехал, пересекая линию горизонта? В моем возрасте подобные приключения обходятся довольно тяжело, – добавил я, с ужасом вспоминая неприятную долгую поездку.

– Тебе всего лишь тридцать, Герман! Я позвал тебя, потому что ты – идеальный кандидат, – сказал он, жестом приглашая меня подняться в его квартиру, находившуюся на первом этаже этого монолита. – Ты думал, что я выбрал тебя случайно? – спросил он так, как будто спектр его выбора был настолько велик, что он мог потеряться в столь широком разнообразии друзей. – Как поживает твоя семья? Ты предупредил их о своем отсутствии?

– Кандидат? – ехидно удивился я, пока Тесла открывал двери своего скромного убежища. Его квартира скрывалась за плотно прилегающей стальной дверью, имеющей несколько сложных механических замков. – Сегодня мы собирались в кинотеатр, но после твоего неожиданного звонка семейные развлечения пришлось отложить. По оттенку твоего голоса предположу, что ты добился несомненного успеха, это правда?

– Несомненно. – Свет от поверхности его очков ослепительно мелькнул, стоило ему приоткрыть собственную дверь. – Ну что, ты готов увидеть чудо современности?.. – с одержимым блеском в глазах спросил он. – Дикий, неукротенный огонь, подаренный человечеству?

– Готов, как никогда, – сказал я в предвкушении.

Стоило нам пройти в центральную комнату его небольшой квартиры, едва освещенной светом, как я довольно сильно удивился своеобразному виду его мастерской, недоверительно замедлив шаг. Чтобы моему читателю было легче представить, какая неожиданная картина передо мной предстала, я опишу студию как можно тщательнее, стараясь не опустить не единой детали.

Первое, что бросилось в глаза, – темные, монотонные шторы, загораживающие, точно непреступный щит, всяческие солнечные лучи, пытающиеся проникнуть в логово Теслы. В комнате могла царить мгла и непроницаемая темнота, если бы не многочисленные мониторы, установленные полукругом на необъятном столе в углу сего помещения. На тонких экранах, как мне тогда показалось, подключенных к разным устройствам и процессорам, образуя сложную паутину, виднелись своеобразные показатели, счетчики и диаграммы, неизвестные мне. Стояло легкое ненавязчивое гудение включенной техники, которое зачастую можно услышать в подсобных помещениях торговых центров. Деревянный стол был заставлен пустыми жестяными банками энергетических напитков, пустыми одноразовыми контейнерами азиатской кухни и прочим хламом, который загромоздил все свободное пространство на нем.

В центре мастерской стоял стул, если его, конечно, можно было так назвать: пугающая конструкция, выставленная напоказ. Множество проводов красного, фиолетового, рыжего цвета, имеющих разность в диаметре, тянулись от оборудования Теслы до него. К спинке стула была привинчена огромная батарея с установленным на ней радиатором охлаждения,

крутящийся барабан которого был приведен в пассивное состояние. Под сиденьем конструкции, которая с первого взгляда приковала мое внимание, располагалось множество различных составных частей устройств, ничего не значащих для меня, какое бы применение для них ни приходило в мою голову. И во главе этого своеобразного «Франкенштейна» на деревянном сиденье стула лежал небольшой шлем, служивший когда-то элементом виртуальной реальности. Он был функционально изменен, а из приоткрытой отстегнутой панели, расположенной на затылке прибора, небрежно торчали «родные» провода.

У входной двери в мастерскую Теслы, по правую руку от того места, где я замер в изумлении от конструкции своего товарища, располагался крохотный кожаный диван, служащий, как мне показалось, и ночным убежищем для хозяина этой однокомнатной квартиры. И кроме огромного книжного шкафа, битком набитого старинными рукописями, учебниками по точным наукам, студенческой литературой, по другую руку от меня в помещении мебели не наблюдалось. Хочу припомнить, что мы с Теслой получили одинаковое образование в техническом университете, но какая бездна знаний находилась между нами, что я не сразу смог представить себе концепцию и возможную реализацию его проекта. Я так и стоял, открыв рот, пока мой дорогой приятель не вернул меня из транса недопонимания.

– Я назвал ее «Марией», – картаво произнес он, подойдя поближе к собственному изобретению.

– «Марией»? В честь святой девы? – удивился я, не понимая, как такой рациональный человек, посвятивший свою жизнь науке, может интересоваться религией.

– Герман, мой друг, ты еще поймешь, почему без Божьей помощи я не могу обойтись, – говорил он, медленно подходя к своей устрашающей машине. – Позволь тебе представить то, над чем я работал все эти годы. «Мария» – новое слово в нейробиологии... Я позвал тебя, доверяя свой сокровенный секрет, предоставить тебе право выбора: возможность жизнь вечно. Герман, именно потому, что ты этого заслуживаешь, как никто другой. Ты должен стать продолжением моего открытия и первым сверхчеловеком, одаренным ликом бессмертия.

– Жить вечно? – по моей спине пробежали мурашки. – Если ты вздумал шутить или подвергать меня бессмысленному риску, еще не поздно признать это. Бессмертие лишь человеческий дух, а плоть его грешна... – непроизвольно вспомнил я заветные слова. – В чем предназначение этой машины?

– Позволь испытать ее на тебе, продемонстрировать ее... – прервался он, заметив небольшую мышь, убегающую в совершенно другую сторону этого помещения. – Герман, будь любезен, убей ее, она может все испортить! Грызуны так и норовят перегрызть драгоценные провода!

– Убить ее? – растерялся я. – Она ведь живая... – не успел договорить я, как мой старый приятель, чьей компанией я уже вполне насытился, с невообразимой легкостью поймал мышь и хладнокровно сдавил в руке, после чего выбросил в мусорное ведро, злобно хлопнув крышкой. Его просьба прикончить мышь была для меня невыполнимой и безрассудной. Любая жизнь для меня была бесценной. Я никогда не смог бы причинить реальный ущерб живому существу, каким бы грубым и властным я ни казался своим оппонентам. Всю жизнь я ловко преодолевал невзгоды, а драться приходилось лишь дважды: постоять за любимую супругу, всецело заполонившую мое сердце, было для меня в порядке вещей.

– Итак... – продолжил он, моментально позабыв о собственной вендетте. – Герман, я хочу даровать тебе один из величайших даров как благодарность за твою верность. – Его взгляд пронзал меня. – Пустые и ложные надежды у человека безрассудного, и сонные грезы окрыляют их, даруя величие над теми, кому не суждено мечтать, – медленно цитировал мой товарищ.

– Ты хочешь, чтобы я был твоим подопытным кроликом, над которым поставят эксперимент? – мне было крайне страшно оказаться в этом кресле, набитом электрическими проводами и устройствами. – Алекс, извини, но...

– Это не опаснее, чем баловаться со спичками, – перебил он меня. – Если говорить проще, «Мария» сделает своеобразный снимок твоего мозга, сделав копию твоего «я», твоей личности, – увлеченно и, как мне тогда показалось, немного безумно говорил он.

– И как снимок моего мозга продлит мою жизнь? – я все больше сомневался в гениальности и таланте своего приятеля.

– Твоя личность будет жить вечно, Герман, друг мой, позволь оказать тебе такую услугу. И ты будешь горд за то, что оказался в числе избранных, сохранивших свое сознание в цифровом виде навсегда! Твое «я» перейдет из плоти в миллионы цифр и символов... – он задумался, подбирая подходящие слова. – И плоть не вечна, ибо тленному надлежит облечься в нетление, а смертному облачиться бессмертным.

– Это звучит как сказка, которая, признаюсь тебе, пугает меня, – отвечал я, сомневаясь в своем решении, мимолетно обдумывая предлог, под которым возможно было покинуть гостеприимную студию моего товарища. – Скажи, Тесла, это опасно? И болезненна ли процедура?

– Процедура полностью безболезненна и длится считанные секунды, Герман. Я лишь сделаю копию твоего сознания, сохранение твой личности, которая так дорога мне. – Он снял шлем и преподнес его мне. – Если ты сомневаешься, то походи на это ради меня. Тебе *современно* нечего тревожиться, никаких последствий и быть не может. – Мы так и стояли, уставившись друг на друга, заглядывая в самую душу своего собеседника.

Я был невероятным трусом, таким, что никогда не рисковал своей жизнью ради развлечений или своего рода удовольствия, занимаясь экстремальными видами спорта или увлечениями, как посещение парка аттракционов. *Трусостью*, конечно, называть подобное поведение я никогда не решался, именуя подобный склад как рациональное поведение человека, ставившего собственную жизнь, как и ее сохранность, в зенит своего мировоззрения. Может, по этому поводу у меня был и бзик, который вполне естественно укладывался в собственном сознании, той или иной раз оберегая меня от безрассудных поступков. А может, как называли меня сверстники, очередной раз подвергающие себя риску ради дальнейшего развлечения, я был бесхребетным юнцом.

В студии Теслы повисла тяжелая, почти осязаемая тишина, напряжение, которое, точно раздутый шар, взорвется, оглушая нас невероятным хлопком. Глаза, полные надежды, скрывающиеся за толстым слоем стеклянной брони, всматривались в меня. Алекс молча ожидал вердикта, держа в руках собственное изобретение, шлем, который, по его словам, мог в некотором роде продлить мое существование, сохранив мое сознание, сводя его к двоичному коду. В этом сумрачном свете я увидел Алекса Теслу таким, каким буду вспоминать его всю оставшуюся жизнь: на его лице замерла тень уверенности во мне, тяжелый лик усталости и безмятежности лишь тяготил его лицо. В подобном освещении он выглядел куда старше своих лет, горбатый, сломленный многодневными проблемами, так или иначе связанными с реализацией собственного изобретения. Шлем в его руках немного дрожал, как и дрожали его руки, как от тяжести конструкции, так и от возбуждения от предстоящего открытия.

В тот день, являющийся для меня переломным моментом в моей жизни, тогда я согласился лишь потому, что хотел помочь своему давнему приятелю осуществить его заветную мечту: *изобрести то, над чем он столько работал, едва ли не убивая себя*. Переступив через себя, я не смог отказать ему, бросить его в одиночестве, хоть и сомневался в безопасности эксперимента. Буду предельно искренен и скажу читателю, что едва уловимые нотки меркантильности дали свои плоды: в том или ином случае грезы о бесконечной жизни, какой бы сказкой мне ни казалось это тогда, благоприятно сыграли на моем согласии и участии в этом эксперименте.

Когда я сел в кресло «Марии», названной в честь матери Иисуса Христа, то почувствовал необъятный страх перед экспериментом вперемешку с чувством адреналина. Во мне кипели эмоции. Коктейль из моих ощущений дополняло необузданное желание к бессмертию, которое, словно безумие, охватило на какое-то время и меня. Тогда, сидя перед Алексом, я был полон амбиций и заинтересованности в этом опыте, ловя каждую мысль своего товарища. Надев шлем, который весил несколько килограммов, я оказался отрезан от этого мира и уже не мог наблюдать за тем, как Тесла настраивает устройства позади меня. Я уже не видел его, но прекрасно слышал его бурные рассуждения вслух:

– Герман, дорогой друг, я так признателен тебе за твою помощь. Я надеюсь, что смогу целесообразно использовать сохранение твоего сознания, изучая структуру человеческого «я», – говорил Тесла. – Ты даже не представляешь, насколько далеко может зайти нейробиология... Мне не хватает лишь должного финансирования и доверия со стороны научного сообщества, которое игнорирует все мои разработки... – Он принялся закреплять мой шлем, поправляя его. – Конструкция должна крепко прилегать к черепу, если я зажму вот здесь... не давит?

– Алекс, я тебя плохо слышу в этом шлеме. Нет, все сидит достаточно надежно, – сказал я, не в силах усидеть на ровном месте. – Еще долго? Шлем очень тяжелый.

– Уже готово. Итак, мой друг, мы можем начинать? – волнуяще выпалил он.

– Да, – не сразу ответил я, переводя дыхание.

– В шлеме все еще достаточно темно? Передний экран, встроенный перед тобой, все еще выключен? – доносилось до меня.

– Тут очень темно, ты его включил? Он должен показывать что-то?

– Он включен, – сказал Тесла. – Сейчас будет становиться все светлее и светлее. Говори все, что ты видишь. Каждое изменение, протекающее перед тобой, описывай как можно подробнее...

– Слушаюсь, – подтвердил я. – Да. И правда, впереди как будто встает солнце. Алекс, ты здесь? – Устройство позади меня начало издавать жужжащий звук.

– Герман, что бы ни случилось, не снимай шлем, пока свет не потухнет. Ты меня слышишь? – Тесла повысил голос, пытаясь перекричать усиливающийся треск механизмов позади меня.

– Тут очень ярко. Глаза начинают болеть, – жаловался я. – Еще долго? Алекс?!

Ответа не последовало. Шлем, который целиком покрывал мою голову, начал нагреваться, все сильнее обжигая меня своим теплом. В тот момент, когда я больше не смог слышать своего товарища, когда все вокруг шумело и гудело, когда яркий свет ослеплял меня настолько, что слезы сами лились из моих глаз, именно тогда я испугался по-настоящему, осознавая, в какую опасную ситуацию ввязался, идя на поводу у Дьявола. Ослепительный луч, точно кинжал, вонзался мне в глаза, отдавая режущей болью в голове. Когда муки стали невыносимы, я решил, что нарушу предписания моего друга-изобретателя и остановлю эксперимент, сняв шлем с еще горящим светом внутри. И когда я попытался приподнять руки, то чуть не вскрикнул от ужаса. Оказалось, что у меня не хватает сил даже пошевелить пальцами. Даже ноги оказались ватными, отказываясь слушаться мои команды. Меня точно парализовало. Не в силах противостоять дурманящей слабости, разливающейся по всему телу, я почувствовал лик страха, доводящего до безумного состояния твоего разума. Я был загнанным зверем в нечеловеческой ловушке, пытающей тебя до полного морального истощения. Отчаявшись, казалось, я закричал, не в силах противостоять этой агонии. И крик мой заглушал рев работающей машины, испепеляющей мое сознание.

Муки продолжались до тех пор, пока скребущийся шум не начал медленно угасать, а яркий свет, после которого, казалось, можно было ослепнуть, отступал и затухал вдали, точно солнце плавно садилось за мыслимый горизонт. Когда стемнело окончательно, силы вернулись ко мне и я смог снять этот жуткий шлем, терзающий меня на протяжении этого нескончаемого

времени. Меня пробил дрожь, стоило мне откинуть его подальше от себя, испытывая как гнев на своего товарища, так и тень панического страха, угнетенного состояния, в котором я пребывал еще какое-то время, стараясь взять себя под контроль.

– Ты настоящий Дьявол! – закричал я, собираясь с силами для того, чтобы встать с «Марии».

– Герман, друг мой, расскажи, что ты видел? – сказал он, копаясь в дымящихся деталях своего творения. – Опиши мне детали происходящего, я должен записать это в журнал...

– Ты чуть не убил меня! Как ты смеешь так издеваться над людьми?! – гневно пыхтел я, с трудом поднимаясь на ноги. Зрение постепенно возвращалось ко мне, но в первые секунды после прекращения эксперимента все вокруг расплывалось в едином масляном взгляде, сливаясь между собой. – Почему идет дым? Что я видел? Я словно оказался вплотную к раскаленной звезде, ослепляющей меня, доводя до ужаса.

– У нас... В самом конце сгорела батарея, и запись прервалась на девяносто восьми процентах. Я полагаю, я плохо закрепил правый резистор. Но первое испытание пройдено, как мне показалось, успешно. Два процента твоего сознания упущено, но... после восстановления «Марии» можно будет повторить эксперимент.

– Первое испытание? – удивился я. – Ты думаешь, я позволю тебе обречь меня на дальнейшие муки вновь? Ты хоть представляешь, насколько это было больно? – я старался уловить его фигуру в темном помещении, но фокус зрачка давал сбои, отдавая колющей болью. – Мое зрение...

– Твое зрение вернется к тебе в течение нескольких минут, а пока закрой глаза и старайся не напрягаться. Мы *должны* продолжить, записать полный цикл твоего сознания для дальнейшего его воспроизведения! Герман, представь, что треть мозаики безнадежно упущена. Мы должны...

– Да ты чуть не убил меня на этой машине! – злобно перебил я его. – Боюсь, я не смогу и дальше быть твоим подопытным ассистентом, жизнь которого в любой момент может оборваться в ходе безрассудного опыта над сознанием... Это невозможно, и ты сам это знаешь. Цифровизировать сознание, человеческое «я» – лишь плод для фантазии, сказка!.. – сказал я, направляясь к выходу. Тогда я был полностью разочарован этим экспериментом и успел пожалеть, что пытался помочь своему давнему другу.

– Герман, стой! Куда же ты? – Тесла старался остановить меня, но было поздно. – Мы отняли только девяносто восемь процентов твоего мозга... Я не знаю, как продолжить работу без полноценного сохранения... – рассеянно проговорил он, задумчиво рассуждая о доводах продолжения эксперимента. – Герман, стой...

– Оставь их себе, приятно было увидеть тебя, – сказал я, хлопнув тяжелой входной дверью его квартиры.

События, следующие далее, я помню не отчетливо, точно позабытый фильм ушедшей молодости. Но упустить их было бы ошибкой. Я пишу свой рассказ спустя множество ушедших лет, опираясь на новостные заметки, устаревшие записи наблюдений, интервью очевидцев. Для полноценности повествования я позволю себе внести нотки фантазии, сопоставленные с реальными факторами того вечера, о котором и пойдет речь, позволяя читателю доподлинно представлять мою дальнейшую судьбу.

Стоило мне переступить порог его дома, сколько бы Тесла ни кричал мне вслед, стараясь остановить меня, тогда я был в полной уверенности и разочаровании, что бесцельно потратил свой выходной день. Мне казалось, что машина, способная скопировать мой мозг, словно какой-нибудь архив документов, невообразима. Сколько бы я ни пытался тогда перестать думать о своем друге, вспоминая все дурные слова, которые лезли в мою голову, все

мысли были именно о Тесле и его «Марии», машине, благодаря которой мой рассказ и повествование дальнейшей судьбы Германа Хаски возможна.

Ожидая городской транспорт на ближайшей остановке, всматриваясь в каждый проезжающий автобус в нужном для меня направлении, я взвешивал целесообразность эксперимента, стараясь как можно объективнее подойти к оценке состоятельности этого опыта. С какой-то стороны, думалось мне тогда, информационная эра, царящая вокруг, точно властная императрица, проникающая в каждые темные уголки Земли, прогресс в которых течет в более медленном ритме, могла бы подарить человечеству возможность на бессмертие как апогей технического прогресса, несопоставимую с ближайшими открытиями. Но мысль о господстве над собственной судьбой, отмерянной человеческим пределом, едва ли достигающим сотню лет, казалась для меня пределом всяческих наивных грез, неосуществимыми мечтами.

Я отправлял текстовое сообщение своей супруге, пользуясь своим новым мобильным телефоном, устройством первой необходимости, без которого уже не мог обойтись человек двадцать первого века, оно служило настоящим невообразимым чудом. Оповестив семью о том, что вернусь домой раньше положенного времени, я поспешил на подъезжающий микроавтобус, направляющийся в сторону моего дома. Подъезжая ко мне, водитель транспортного средства грубо притормозил перед остановкой, сбрасывая недопустимую скорость для городских условий, открывая двери своего автомобиля до полной остановки, рискуя жизнями людей, находящимися внутри. Я не выпускал мобильный телефон из рук, моментально отправляя сообщения любимой супруге, делясь с ней впечатлениями о происходящем, то и дело жалуясь на свое окружение. По «логам» нашей беседы, впоследствии описывая детали того вечера, я старался восстановить поездку как можно подробнее.

На часах было около семнадцати часов вечера, время, символизирующее окончание рабочего дня, что впоследствии приводит к существенным затруднениям в автомобильном трафике в городской черте. Микроавтобус был переполнен настолько, что войти в него, набравшись небольшой наглости потеснить людей, мне удалось только после глубокого выдоха. В тот момент, будучи зажатым со всех сторон, я был готов пожертвовать собственным комфортом ради скорого возвращения домой. К сожалению, мысль о возможной поездке в такси появилась у меня лишь тогда, когда я сквозь тонкую рубашку смог ощутить мокрую спину мужчины позади себя, тесно прислоняющегося ко мне. Водитель транспортного средства умело объезжал всяческие преграды на своем пути, ловко маневрировал на поворотах, зачастую подрезая другие автомобили в виражах, и создавалось впечатление, что неудобная поездка не должна была быть неустанно долгой.

Однако время тянулось. Водитель то и дело останавливался по просьбе пассажиров, но народу, как мне тогда казалось, совершенно не убавлялось. Всегда находились новые лица, стремящиеся, как и я, скорее добраться до дома. И у каждого нового пассажира, вошедшего в салон микроавтобуса, было выражение лица, точно под копирку: недовольное возмущение, сменяющееся гневным смирением. Водитель, то ли чувствуя напряжение позади себя, то ли имея дурную привычку нарушать установленные правила движения, все сильнее вдавливал педаль газа, с каждой секундой увеличивая бешеный темп, с которым мы мчались по центральному городскому шоссе. Неожиданно, когда наш микроавтобус, несущийся на пределе своей скорости, пошел на обгон очередного автомобиля на нашем пути (этот виток информации я раздобыл из архива городской дорожной полиции), перед нами выскочила бордовая фура, резко перестраиваясь из крайнего правого ряда, служившего полосой разгона. Водитель нашего микроавтобуса нажал на тормоз и механически увел машину в противоположную сторону, дабы избежать возможного столкновения. По установленной камере внутри салона, едва освещающей и треть пассажиров, были слышны крики и возгласы недовольства. Испугались те пассажиры, которые, как и я, имели доступ к окошку и могли наблюдать за ситуацией. Остальные, как я считаю теперь, приняли свою судьбу практически моментально, не в силах осознать

происходящее. В тот момент, когда автобус старался избежать дорожно-транспортного происшествия, совершая немислимые виражи на полной скорости, я оцепенел, не в силах противостоять нагнетающему мраку перед возможным столкновением или собственной гибелью.

Тогда мы в одно мгновение оказались на встречной полосе, сбавляя обороты. И не прошло и нескольких секунд, как в нас врезалась встречная легковая машина, водитель которой погиб моментально. От такого сильного столкновения микроавтобус, весящий не одну тонну, перевернулся набок, проехавшись по сухому асфальту еще несколько метров. Весь удар пришелся на правый бок микроавтобуса, вдавливая корпус глубоко внутрь. Металлический сплав не смог выдержать подобную нагрузку, в салоне транспортного средства воцарилась агония. В нещадных криках, гуле и звоне, задыхаясь от едкого черного дыма, я, Герман Хаски, был сильно ранен осколком от лопнувшего стекла. Ко всему прочему, судя по видеозаписи, меня придавило несколько неподвижных тяжелых тел, скинуть которые я уже не смог. Я безрассудно старался вынырнуть, хватался за окружающие меня тела. Мой стон сосуществовал с десятком других жалобных криков о помощи, был единым ликом боли. Подобное ранение, на которое был обречен я, было летальным. Было бы ложью скрывать, какая боль сопутствует подобной ситуации, при которой осколок стекла проникает сквозь ребра, углубляясь внутрь. Попытки выбраться постепенно тлели, как и огонь моей жизни, разум покидал мое тело, растворяясь в пучине страха перед неизвестным. Постепенно дым завладел салоном автомобиля, и наблюдение через видеокамеру стало невозможной услугой для моего повествования. Стоны угасали. Надежда, скорая медицинская помощь, пожарные, спустя считанные минуты отреагировавшие на аварию в центре города, спасли лишь несколько жизней, не в силах помочь остальным.

И последнее, о чем я думал, – о своей замечательной семье, которая ждет меня после долгого отсутствия. Отключаясь, точно обесточенный электроприбор, я закрыл глаза, оставляя эту жизнь.

Случилось то, чего я боялся больше всего. Я потерял именно ее – жизнь.

ГЛАВА ВТОРАЯ

*Разве день Господень не мрак, а свет? Он тьма, и нет в нем сияния.
Отрывок из Библии*

– Ты настоящий Дьявол! – закричал я, судорожно снимая невероятно тяжелый шлем своего товарища. Я попытался остановить эксперимент, не в силах противостоять его агонии.

Медленно стягивая конструкцию со своей головы, я удивился неожиданной тишине, благоухающей вокруг. Яркий свет, прожигаящий глаза даже через закрытые веки, постепенно отступал, плавно возвращая зрение, мимолетно покинувшее своего хозяина. Открыв глаза, пытаясь сосредоточиться на своем окружении, я сильно испугался, очнувшись совершенно не там, где хотелось бы первоначально. Мое пробуждение, а впоследствии и перерождение, началось не с захлавленной студии Теслы, которую ожидал увидеть, снимая оковы эксперимента над сознанием, а с мрачного обширного помещения, похожего на заброшенный медицинский отсек. Подобные залы можно было повстречать в клиниках под снос и других медицинских учреждениях, работа в которых прекратила свое монотонное существование. Вокруг все плыло, сосредоточиться на чем-то определенном было сложно, еще и несколько минут зрение возвращалось ко мне, прежде чем я смог лицезреть место своего пребывания.

Собираясь с силами для того, чтобы подняться с кушетки, я обратил внимание на мерцание ламп в медицинском отсеке, в котором находился. Окунаясь во тьму, я погружался в нее на десять секунд (если не больше), после чего был достаточно долгий перерыв стабильного освещения. Так цикл повторялся вновь и вновь.

На полу, в нескольких шагах от меня, была огромная черная жижа, напоминающая густое машинное масло, пролитое ненароком, а с бетонного серого потолка сочилась вода, расплывающаяся в образовавшейся трещине коричневым налетом. *Бульк, бульк.* Каждая капля, неторопливо падающая вниз, едким эхом развивалась по всему медицинскому отсеку. Образовавшаяся лужа, в которой можно было увидеть смутное отражение зала, постепенно увеличивалась. Повсюду были разбросаны неизвестные мне медицинские приборы, разбитые стеклянные флаконы для инъекций, осколки от увеличительного стекла, расположившегося над моей головой. Сам я находился на одной из медицинских коек, подключенных десятками тонких проводков, трепетно связанных в единую нить, ведущих к большому компьютеру, располагающемуся в центре помещения. Его широкий экран был повернут в противоположную сторону, где тусклое свечение монитора едва касалось стены. Я чувствовал *страх* во всем, что окружало меня тогда. Лик ужаса точно витал в воздухе, едва уловимый для человеческого обоняния. Эти чувства завладели и мной, заставляя сердце биться в истерии, а разум волнительно путать собственные мысли.

Подсознательно я уловил движение по правую руку от себя, куда моментально повернулся, слегка пошатнувшись в собственном ложе. На дальней койке, как мне показалось тогда, что-то лежало под пеленой покрывала, напоминая при этом силуэт человека.

– Сэр? – волнительно прошептал я в нерешительности, шея с трудом повернулась в необходимую для меня сторону.

Но бездыханное тело, спрятанное под тонким шелковым покрывалом, оставалось неподвижно. Внимательно всматриваясь в него, по большей части от страха, я убедился, что его грудь неподвижна, дыхание было незаметно моему взору, почти полностью нормализованному после пробуждения, и покоящийся тут человек, как показалось мне, определенно был мертв. Так сложилось, что мне приходилось и раньше встречаться с коварной маской смерти, ее плодами и утехами. Зачастую, лишь завидев мертвого человека, озноб ужаса полностью затмевал у меня происходящее. *Тиетность, ничтожность и бессмысленность существова-*

ния приходит либо при собственной кончине, в роковые последние минуты жизни, либо при сопереживании чьему-нибудь горю, находясь в непосредственной близости. *Смерть* пугала всегда, воодушевляла и заставляла трепетать своим потаенным волшебством. Она породила культы, ритуалы, религиозные догмы, на которых строится современное мировоззрение, человеческая незыблемая цивилизация. И как тяжело лицедреть могущество смерти, ее вседозволенность на полях брани: не каждый сможет выстоять под ее гнетом, сохранить рассудок целым и невредимым. В большинстве своем, даже оставив ее подлую тень позади, почувывшие роковые объятия смерти солдаты всю жизнь могут внимать ее потаенному шепоту, сводящему с ума. Однажды мой давний приятель, чье имя смутно всплывает в моей голове, сказал мне одну замечательную локальную поговорку, в которой говорилось следующее: «Человеческий род бы давно привык к смерти, если бы люди умирали по несколько раз на дню, но куда это невозможно, каждый такой исход принесет настоящее горе». Его слова отпечатались в моей памяти, я был солидарен с этой мыслью, полностью разделяя ее. Как я уже признавался своему читателю, в надежде, что мой дневник рано или поздно будет найден, по природе своей человеческая жизнь для меня является понятием сокровенным, непоколебимо святым.

Отчетливо помню о том, что первыми мыслями в день моего пробуждения были образы своей семьи, туманно всплывающие у меня перед глазами, отзываясь далеким эхом. Однако первые мгновения, воспоминания были безликими и точно безжизненными, я был не в состоянии вспомнить черты любимых мне людей. Я точно был клеймен семейными узами, сам факт наличия родственников загорался в моем сознании задыхающимся пламенем, но их лица были лишь информационным шумом, как тот, что можно было наблюдать в дни телевизионных пауз. Первым шагом было вспомнить их имена, медленно произнести их, едва напрягая засохшие губы. «*Рината. Рината и Александр*», – трепетно вырвалось у меня, когда я смог воссоздать, приподнимая дурманящую пелену, драгоценные лица моих близких, узнать в них любимые детали.

За свою жизнь я услышал множество удивленных комментариев по поводу того, как такой скучный человек смог завести семью (одурманить очаровательную леди), толкая ее на невероятные муки своей компании. В глазах товарищей я был наивным простаком, трусом и гиком, конечно, не таким, как Тесла, но и не покорителем женских сердец или победителем конкурса «Мистер Университет». Мне повезло добиться расположения Ринаты на протяжении всего обучения, и, следуя трансу любви, я преклонил перед ней колено буквально на следующий день после выпускного бала. Ее реакция была неоднозначной, я впервые увидел слезы Ринаты, что сильно удивило и расстроило меня. «Вот дубина», – проносилось в моей голове. И, лишь обнявшись спустя какое-то мгновение, с влажными и прекрасными глазами моя будущая спутница призналась мне в своей согласии, выразив при этом свои искренние чувства ко мне. А спустя какое-то время мы завели своего единственного ребенка, которого назвали в честь деда. Моя жена – женщина покорного склада, которая являлась настоящей хранительницей очага и домашнего уюта. Так сложилось, что она глубоко переживала за меня и горевала в случае моего долгого отсутствия. И мысль о том, насколько может тревожиться супруга, потеряв меня Бог знает насколько (в то время я еще не выяснил природу своего существования в этом помещении), терзала меня. Как мне было совестно перед ней в каком-то роде, так и страшно оказаться в неведении собственного пути. Я толком не понимал ничего, что происходило вокруг меня. Все вокруг, даже я сам, было каким-то чужим, незнакомым мне явлением.

Стараясь избавиться от гнетущего чувства трепета перед неизвестностью, я попытался встать. Мое, казалось бы, изнуренное тело отказывалось слушаться меня, повинуюсь импульсивным командам разума. Ватное тело было чуждо мне настолько, что ощущал я его лишь частично. Чувствовал голень, но не мог ей управлять, как ощущал собственные пальцы, которые едва сгибались в кулак. Каждое движение – преодоление тягостных мук, которые давались мне с воистину тяжелыми усилиями. Покорив необузданную усталость собственного тела, я

смог подняться и занять устойчивое сидячее положение на краю ложа, а спустя еще несколько минут, тяжело выдохнув, смог доковылять до компьютера, ютившегося в центре помещения, в наивной для меня надежде обратиться за помощью, обратившись по номеру экстренной службы спасателей или полиции быстрого реагирования. Любая помощь, в которой я так нуждался, была бы как нельзя кстати.

– Здесь кто-нибудь есть? Мне нужна помощь! – выкрикнул я, приближаясь к компьютерному столу. Ноги совершенно не повиновались мне.

Приближаясь к компьютеру, я то и дело озирался по сторонам, переводя взгляд то на неподвижное тело в конце помещения, то на стеклянную стенку передо мной. Догадок, *как и когда* я оказался в этом неблагоприятном месте, у меня не было, как и догадок о своем загадочном положении. Последние воспоминания, которые казались событиями пятиминутной давности, – участие в необычном опыте, волнительном эксперименте своего давнего друга Теслы, соглашаясь быть подопытным «Марии» – машины, которая, по словам ее создателя, могла сохранить сознание, бесценное сокровище человечества. То, что было после, мой дорогой читатель, на момент этого действия было для меня неизвестным аргументом, которое раскрылось лишь впоследствии моей истории. Конечно, в какой-то момент я предположил, что оказался в данном «госпитале» по причине неудачного эксперимента, однако картина никак не складывалась с тем – настолько данное медицинское учреждение было заброшено. Госпиталь дышал одиночеством, пропах им насквозь.

Как только рабочее место перед персональным компьютером было занято мною, его экран загорелся молниеносно. Я не успел опомниться, как раздался аудиозвонок, ответ на который произвелся автоматически. Программа, связывающая меня и вызывающего абонента, была похожа на знакомые мне приложения для беспроводной связи, но с более детализированным интерфейсом. Контакт, который звонил мне, был назван как «Станция девять», что ничего не говорило мне.

– Алло? Алло? Здесь кто-нибудь есть? – спросил я, подвигаясь к небольшому микрофону, располагающемуся на краю стола. – Помогите! – молил я.

В ответ были лишь помехи, когда я решил сделать громкость встроенных колонок немного больше.

– Вы меня слышите? Меня зовут Герман Хаски, мне нужна помощь! – требовал я, озираясь по сторонам.

– Герман? – расслышал я, различая слабый женский голос сквозь аудиошум. – Герман, с вами все в порядке?

– Да! Да! – обрадовался я, каждое слово давалось мне тяжело. – Где вы? С кем я говорю?

– Меня зовут Анна, я работаю на станции номер девять. – Голос девушки усилился. – Я не могу долго говорить, Герман. Питание очень слабое. Вы должны внимательно меня выслушать.

– Анна! Я вас слушаю! Вы поможете мне? Анна? – Стоило мне позвать девушку, как механические помехи вновь заглушили голос девушки. – Повторите, я вас плохо слышу! – просил я.

– Герман... – Я слышал лишь отрывки. – ...Вы должны найти меня... Я вам все объясню при встрече... Станция девять... Ни в коем случае... – доносилось до меня. – Найдите себе личный браслет, без него вы никуда не... – на этой фразе наш звонок оборвался.

– Личный браслет? – удивленно сказал я вслух, риторически спрашивая себя, недоумевая от произошедшего разговора длительностью не более нескольких мгновений. Беседа оказалась мне странной и пугающей, совершенно не прояснившей ситуацию, лишь усиливая обволакивающую загадочную мглу, окутывающую меня с первой секунды таинственного пробуждения в этом «госпитале».

Пока я обдумывал услышанное, мое внимание привлекло небольшое движение по правую руку от себя. Искра, искра, от которой бурлящий ужас начал завладевать мной. Неожиданно тело в дальнем конце этого помещения, которое я считал мертвым, пошевелилось. От страха я пригнулся за столом, наблюдая за ним. Я не мог поверить в собственные глаза, очутиться в подобном мире, навевающим кошмарные сновидения. В этот момент мне хотелось проснуться, открыть глаза, оказавшись в постели с Ринатой, чувствовать тепло ее тела, а никак не наблюдать восхождение мертвеца. Спустя мгновение *оно* резким движением скинуло покрывало, скрывающее его, оголяя неестественный торс. «Что здесь происходит? Что оно такое?» – проносилось в моем сознании.

Обдумывая услышанное, мое внимание привлекло небольшое движение по правую руку от себя. Искра, искра от которой бурлящий ужас начал завладевать мной. Неожиданно тело в дальнем конце этого помещения, которое я считал мертвым, пошевелилось. От страха я пригнулся за столом, наблюдая за ним. Я не мог поверить в собственные глаза, очутиться в подобном мире, навевающими кошмарными сновидениями. В этот момент мне хотелось проснуться, открыть глаза, оказавшись в постели с Ринатой, чувствовать тепло ее тела, а никак не наблюдать восхождение мертвеца. Спустя мгновение *оно* резким движением скинуло покрывало, скрывающее его, оголяя неестественный торс. «Что здесь происходит? Что оно такое?», – проносилось в моем сознании.

Тогда же я и смог внимательно рассмотреть то, что предстало передо мной. Чтобы мой читатель понимал, что я тогда увидел, он должен представить себе механического человека, имеющего непропорциональный скелет, немного отличающийся от человеческого. Передо мной предстал робот, выкованный из искусственной плоти и крови, внушающий своим видом для неиспытанного гостя – трепет и удивление. Такая машина могла бы проломить мне череп, с легкостью переломить руку, точно соломинку, если бы имела на то основания, конечно. Было видно, что из его тела грубо торчали провода, поблескивая от напряжения. Некоторые из его лампочек ясно горели зеленым оттенком. За свои тридцать лет жизни я повидал немало чудес науки, пользуясь всеми новшествами двадцать первого века. Но никогда еще моему вниманию не попадалась настоящая машина, имеющая полноценный искусственный интеллект. Появление этого существа породило густой страх, который, как мне тогда показалось, заставил мое сердце биться в ритме военного марша, невероятного бешеного танца, нарастая в темпе все быстрее. Испугался ли я его, спросит мой читатель, и я без ноты сожаления отвечу положительно. Да, мне было воистину страшно оказаться лицом к лицу с тем, чего не ведало мое сознание. Когда-то огонь мог напугать человечество, а сейчас плоды человечества пугали меня. Скажу откровенно, что я мог бояться сверхъестественного, хоть и не был особо верующим человеком, мог бояться диких зверей или грозы, молнии, способной в одно мгновение лишь тебя самого сокровенного – жизни. Обмолвившись о религии, скажу следующее: перечитав святое писание, я был согласен лишь с одним: любая жизнь – бесценна, и никто не вправе на нее посягать. Была ли искусственная жизнь – настоящей, мне еще предстояло узнать в ту невинную пору моего пробуждения в этом злополучном месте.

Когда эта самостоятельная машина (с первых мгновений я интуитивно понял, что *оно* имело собственное искусственное сознание) решила подняться с койки, то, неловко покачнувшись, моментально с грохотом упала на бетонный пол. Скрываясь за столом, изучая своего спутника издали, боясь вступить в контакт, я заметил, что у него отсутствовали ноги. В местах, где у человека находились коленные чашечки, у этой машины были оголенные провода, искрясь в бледнеющем желтом свете. Мне показалось, что кто-то грубо вырвал их или неаккуратно демонтировал, оставляя серьезные повреждения для своего творения. Машина пробовала привстать, но было видно, что без опоры на задние механические конечности, равновесие ей не удержать. Все пуще наблюдая за ней, все сильнее высовываясь из-за своего убежища – стола, расположенного в центре помещения, я позабыл о собственной безопасности.

Любопытство погубило меня. И увлекшись этой слежкой, не заметил, как случайно обронил микрофон на пол, едва задев его на компьютерном столе. Машина мгновенно повернула голову в мою сторону.

– Здесь кто-нибудь есть? Мне нужна помощь! – жалобно спросила она. – Пожалуйста, помогите мне!

Я попытался затаиться за столом, при этом всячески ругая себя за проявленную глупость: выдать себя перед неизвестным созданием. Машина стонала дальше:

– Сэр? Помогите мне, пожалуйста! Что с моими ногами?

– Что ты такое? – не поднимая головы из-за стола выкрикнул я.

– Да что с вами такое? – злобно смутился он, словно удивляясь моим словам. – Вы не видите, у меня отрезали ноги! Меня зовут Томас Ванст, я инженер пятой станции! – молил он. – Мне нужна помощь! Помогите мне подняться! Чего вы прячетесь там? – его голос слегка притих.

– Но ты... – медлил я с выводами, не в силах выговорить данное словосочетание. – Ты не человек! Что ты такое и что тебе от меня нужно? Тобой кто-то управляет? – едва выглянул я, окинув его молниеносным взглядом.

– Вы что ослепли? Я *настоящий* живой человек! И кто-то отрезал мне ноги! Господи, помилуй! Куда делись мои ноги?

Машина сделала еще несколько неудачных попыток подняться с бетонного пола, то и дело цепляясь, точно контуженый паук после детского внимания, за ближайшую койку. Несмотря на полученные повреждения, существо двигалась с невероятной легкостью, его моторные функции, как хотелось назвать их, были восхитительными, а может даже и воздушными. Никогда прежде я не видел такой грации в робототехнике, если не учитывать опыт кинематографа, где временами законы физики были чужды всяческому сценарию.

Создание, которое искренне считало себя *живым*, сделало еще несколько попыток добиться моей помощи, прежде чем я решил преодолеть страх, сделав первый шаг навстречу Томасу Вансту. Его мольба тонким острием терзала мою душу, и вскоре, убедившись, что Томас не представляет мне угрозы, я подошел поближе к этой машине, тщательно рассматривая ее. Мой взгляд был прикован к этому увлекательному для моего взора созданию, творению человечества, которое впоследствии может стать его надгробным венцом. Машина, искусственный интеллект – то, что рано или поздно породит человек, станет главным его конкурентом, замкнутым на крохотной планете, обреченной на изживание себя. В тот момент, когда наши взгляды встретились, моя уверенность в его самосознании достигла своего апогея, тогда я стал окончательно убежден, что передо мной полноценный искусственный интеллект, имеющий оболочку из металлического каркаса, за которым скрыто настоящее сокровище, благодаря которому он и функционировал.

Когда я приблизился достаточно близко для того, чтобы помочь ему подняться, я предложил ему уговор:

– Если ты хочешь, чтобы я называл тебя Томас, то так и будет. Я помогу тебе подняться, а ты расскажешь мне все, что знаешь об этом жутком месте? Договорились, Том? – предложил я, изучая его реакцию.

– Я *всё* вам расскажу, только ради Бога, помогите! Я не вижу, у меня идет кровь? Ноги ужасно болят! Помогите мне сесть!

Вскоре я протянул руку Томасу и заметил на его механической руке удивительный браслет, о котором возможно говорила Анна – девушка, вышедшая на связь со мной несколькими минутами ранее. Неизвестное мне устройство, напоминающее наручные умные часы, которые впоследствии стали одним из атрибутов повседневного образа любого жителя каменных джунглей, но с более широким дисплеем и множеством дополнительных кнопок и разъемов для

различных электронных носителей, блестело на железной конечности Томаса Ванста. «И зачем этому созданию подобные часы?», – удивился я про себя.

Подтянув за руку Томаса на себя, я смог посадить его удобнее, удивляясь его незначительному весу. Эта машина выглядела куда тяжелее, однако даже с небольшой и отступающей слабостью, разливающейся по всему телу жгучим ручейком, я без усилий помог ему занять устойчивое положение вдоль стены. В мыслях закрались догадки об уникальном сплаве его скелета или вовсе его полым состоянием изнутри. Выполнив свою часть уговора, мимолетно осмотрев грубо смонтированные конечности этого создания, я присел на койку, принадлежащую Томасу, не в силах противостоять искушению изучить его более подробно. Его стеклянные линзы, служащие глазами этой машине, не отрывались от собственных повреждений, которые он то и дело ощупывал, восклицая нелепицу своего положения. Его возмущения и выдохи были настолько искренними, что со стороны могло показаться за правду то, что Томас может *чувствовать* боль или дискомфорт после случившегося с ним.

Наблюдая за ним, я рассматривал его, точно музейный экспонат, пытаюсь зацепиться за след создателя. Строение его черепа было идентично человеческому образцу, прекрасно копируя все его черты и впадины. Стеклянные линзы слабо отражали тусклый свет гнетущего помещения, в котором по-прежнему моргали лампы, задыхаясь от недостающего электричества. В полости его рта не было ни зубов, ни языка. Хоть его речь была связана с жестикуляцией конечностей и стимуляцией движения челюсти, лишь темнота сочилась из его ротовой полости, скрывая содержимое внутри.

– Боже мой, как же болят ноги! – твердил он, бегло осматривая свою рану.

– Так... где я нахожусь? – настойчиво спросил я. – Мы за городом? Так выглядит медицина без страховки? – пытался иронизировать я ситуацию, в которой прибывал нынче. В моем рассудке не складывалось реальное положение дел.

– Вы ничего не помните? Как я могу к вам обращаться? Кажется... – запнулся Томас, переводя взгляд на меня. – Вы из медицинского персонала?

– Нет, я не работаю здесь. Меня зовут Герман Хаски. Расскажите мне все, что знаете.

– Очень странно. Герман, такие как *Вы* работают у нас на медицинской станции... Очень странно. – повторил он вновь, прежде чем монотонно выдать следующее, точно заученную речь перед важным собеседованием. – Итак, Вы находись на последнем функционирующем военно-научном комплексе «Глезе», названным в честь обитаемой планеты в системе 581, что располагается в двадцати световых годах от Земли...

– Что значит... последнем военно-научный комплексе? – перебил я. – Где я могу найти других людей? Мне нужна их помощь! Где врач? Ты хоть понимаешь, какую чепуху сейчас несешь? Боже мой, где я действительно нахожусь? У меня дома семья, дети, мне срочно нужно домой!

– Я – человек, чем я могу помочь Вам? Что-то с моими ногами... Нам действительно нужен врач, но связь... В последнее время связь работает просто отвратительно. Вы точно не из медицинского персонала? Боже, как же болят мои ноги! – вновь простонал он, сбиваясь с мысли. – Куда подевался мой инженерный робот?

– Где люди... Остальные люди?! – происходящее вокруг вызвало у меня вспышку гнева.

– Часть колонии покинуло станцию в связи с грядущей миссией. Если Вы сможете связаться с остальным персоналом или установить с ними контакт – пришлите сюда бригаду врачей, кажется, со мной что-то не так...

Неожиданно мы услышали приближающийся скрип и скрежет, доносящийся со стороны бетонного темного коридора за стеклянной стеной, который все это время был для меня под табу неизвестности. Роковой звук нарастал, внушая трепет. Стеклянные глаза Томаса обратились ко мне, прежде чем его страх передался мне интуитивно.

– Прячьтесь, скорее прячьтесь! – спохватился Томас. – Он идет! – сказал робот, пытаюсь отползти под кушетку, на которой находился я.

– Кто идет? Да что здесь происходит! О чем это ты, Томас? – растеряно спрашивал я, вслушиваясь в ритмичное щебетание металла.

Роковой удар, нанесенный точно разъяренным Тором об металлическую дверь, разделяющую нас. Загадочное существо, вызывающее трепет моего спутника, не заставило себя ждать. За ним последовал и второй удар, от которого металлическая панель двери немного исказилась, вдавливаясь внутрь помещения. Томас судорожно пытался скрыться от незваного гостя, не прекращая оповещать меня о том, чтобы я спрятался. Третий удар оказался настолько сильным, что стеклянная пластина, служащая своеобразным окном в коридор, покрылась выпуклыми трещинами, но продолжало держать натиск разъяренного монстра. Обычное стекло лопнуло бы под такими громоздкими и сильными ударами, разлетелась на сотню маленьких кусочков, либо выпало бы монолитной пластиной, склепанной между собой. Не знаю, что двигало мной в тот момент, кроме страха – одного из главных человеческих чувств, спутников эволюции, благодаря которому, как мне иногда казалось, наша раса смогла пережить опаснейшие моменты собственной многотысячной истории, когда на пути могли встретиться не только дикие кровожадные животные.

Ужас поглощал меня. Обернувшись, я интуитивно старался найти место для собственного самосохранения, убежища, в котором смог бы пережить неприятное столкновение. Позади койки Томаса, под которой пытался скрыться мой товарищ по несчастью, были длинные шкафчики для личных вещей персонала, напоминающие те, которые были у нас в школе, только гораздо больше. И, открыв один из них, я протиснулся в него, закрывая за собой тонкую алюминиевую дверцу, оставаясь в крошечной темноте.

Спустя время, прожитое на станции «Глезе», пережив несравнимые ни с чем испытания собственного разума, испытания морали и преодоления панического страха перед невзгодами пребывания на военно-научном комплексе, я лишь догадывался о трепещущей картине расправы, произошедшей в первый день моего пробуждения. Казнь Томаса Ванста, именно так мне хотелось бы наименовать события того злополучного дня. И вот, прячась в темном шкафчике, стараясь не выдавать свое местоположение тяжелым дыханием, я пытался прислушиваться к каждому шороху, гулу легкого сквозняка, перебойному дыханию освещения, но сначала слышал лишь нарастающий и ритмичный скрежет.

Этот неприятный звук, грубые тяжелые шаги, сопровождающиеся монотонным лязгом металла, все нагнетал. Ближе и ближе подбиралось непонятное существо, не сбавляя отмеренного ритма. С каждой секундой незваный гость приближался к ложе Томаса, под которым пытался скрыться несчастный робот, пока тот неожиданно не закричал, да завопил так, словно его раздирал сам Дьявол.

– Прошу! Не надо! Не надо! Помогите! Мне больно! – молил Томас.

Оставаясь за тонкой алюминиевой дверцей, я растворялся, точно незначительная крупица, в животном обволакивающем страхе. Не передать словами дорогому читателю, насколько мне было страшно ощущать расправу в нескольких шагах от себя, не в силах противостоять или помешать этому преступлению. Душераздирающий крик Томаса Ванста, робота, который представился мне инженером, живым существом, развивался на сотни миль. Меня пробирала дрожь, тяжесть паники непреодолимым комом давила на меня изнутри. Что было сил я закрыл свой рот ладонью, едва уместаясь в узком шкафчике, дабы не издавать ни звука, который мог бы привлечь внимание и к моей персоне. Прекрасно помню, как хотелось провалиться под землю, раствориться в невесомости, лишь бы скорее это закончилось. Мысли о том, кто же мог прийти за этим безобидным роботом и доставить ему столько страданий, лишь усугубляли бурлящий ужас во мне. Дошло до того, что я просил Господа Бога помиловать своего товарища по несчастью, которого, казалось, раздирали тысяча демонов, мучая его в роковой агонии.

«Мог ли робот чувствовать боль? Думать, что он живой человек? Бояться за свою жизнь, как боится любой смертный, обреченный лишь на одну попытку в этом невероятно опасном мире, где смерть может поджидать тебя за каждым углом», – эти мысли клубились в моей голове, пока я был нежеланным свидетелем настоящей пытки.

Являлся ли Томас разумным или пустой игрушкой, железной марионеткой в чьих-то руках – такие вопросы еще долго были покрыты пеленой тайны, которые мне еще предстояло раскрыть.

Сам факт того, что робот, машина, имитация жизни может иметь самостоятельный интеллект – такая неоднозначная дилемма всплывала в моей голове еще не раз, пока я прибывал на «Глезе». Человечество, переступая эту черту, едва ощутимую возбужденным сознанием изобретателей, вновь обременило себя грехом, за который и должно было поплатиться незамедлительно. В народе, зачастую среди неверующих, часто сравнивали Господа Бога и Дьявола, проводя параллели между их коварными деяниями. Агностики и атеисты складывали легенды о том, что Творец погубил куда больше людей, чем Властелин Тьмы, которого верующие люди боялись куда сильнее, нежели Отца своего. В свою аргументацию они вкладывали как мифы о Великом Потопе, так и прочие сказания, изложенные в святой литературе. Что интересно заметить, Библией, как исконным писанием, зачастую больше владели не те, кто верил в Великого Творца, а те, кто всячески оспаривал его существование. Чем больше я прибывал здесь, тем быстрее меркла всяческая вера в высшую силу, трактуемую различными народами совершенно по-своему. Но, тем не менее, это вера – нескончаемые надежды на лучшее, без которых мне было не обойтись, переживая все невзгоды своего воистину тяжелого путешествия.

И теперь, переступив мнимую грань между дозволенным, люди теперь не только овладели корыстной властью над жизнью и смертью, продлевая ее искусственным путем, а так же породили расу, всячески превосходящую расу народа людского. Есть ли отличие между искусственным человеком и человеком от плоти и крови – я решил для себя уже давно, прежде чем начал кропотливую работу над собственным дневником памяти. Но порой эту грань между жизнью и ее качественным аналогом отличить гораздо труднее, чем это можно себе представить.

Время тянулось так, словно оно кружилось проклятым вихрем вокруг расправы над моим товарищем – Томасом Ванстом. Его крики, несчастные мольбы остановиться, помочь ему, навсегда сохранились темным пятном в моей памяти, отчетливо и бесповоротно. Они продолжались, казалось, бесконечно, пока неожиданно не смолкли. Когда голос Томаса утих, этот скрежет, гул металлических волокон, постепенно начал угасать, все пуще растворяясь во мраке. И переживая некоторое время, с трудом переводя дыхание и набираясь смелости выглянуть наружу, я осмелился открыть дверцу.

Медленно подтолкнув ее вперед, дверца отворилась с немного поскрипывающими подлыми протяжными нотами, которые однозначно выдавали мое присутствие. Отнюдь не разум, а страх двигал мной. Все мои опасения мигом подтвердилось, когда я увидел то, что осталось от Томаса. Его непропорциональная голова, откинута на несколько метров прочь от туловища, из которого еще больше торчали оголенные провода, была грубо оторвана и изувечена. А из его механической шеи, которая все еще поворачивалась в разные стороны, точно в мучительных судорогах, вытекала темная густая жидкость, следы которой уже были вполне знакомы мне. Как я уже писал ранее, эту черную субстанцию я обнаружил незадолго до знакомства с Томом. И вновь увидев ее, решил, что это машинное масло – своеобразная кровь этого робота, которая текла по его искусственным венам, снабжая конструкцию необходимым топливом.

Дверь, хоть и была сильно искорежена после штурма неизвестного создания, пытающегося проникнуть к нам с необузданной силой, вновь была захлопнута. Вид массивных ставней, как и самой дверной пластины, казались непоколебимыми. Пробраться через них или даже

взломать не представлялось мне возможным. Существо обладало недюжинной мощью, сравнить которую мне было совершенно не с чем.

Все это время, пока я находился здесь, казалось бы с час, я пережил колоссальное потрясение до ужаса, который так и не отпускал меня ни на минуту. И я действительно удивлялся, как это я еще не упал в обморок. Я ведь совсем не молод.

Меня немного трясло от пережитого ужаса. Глаза нервно осматривались вокруг. Я чувствовал неровное и волнительное сердцебиение в своей грудной клетке. Вспомнив о наставлении Анны, девушки, которой удалось связаться со мной, я поспешил снять с Тома его браслет, заднею мыслью считая это мародерством. Ознакомившись с моей историей, кто-то может посчитать меня жалким воришкой, но в свое оправдание скажу следующее: когда тобой двигает желание всячески продлить свою жизнь, *а главное выжить* – любой разумный человек (привет инстинкт самосохранения!) пойдет на все, лишь бы это осуществить.

Вскоре ловкими манипуляциями, перебирая магнитные заклепки, я смог отстегнуть этот гаджет, а после примерил его к своей руке. Размер браслета, некогда принадлежащего Томасу, регулировался с помощью кожаного широкого ремня, как на магнитах, так и на обычных застежках. Данное устройство, которое было рекомендовано неизвестной девушкой, вышедшей со мной на связь, прекрасно расположилось на моем левом предплечье. В длину оно было не больше десяти сантиметров, а в ширину около шести, едва превышая своими пропорциями ладонь крупного мужчины.

– И как работает эта штуковина? – выразил я свое недоумение, не в состоянии включить прибор.

Вскользь я бросил взгляд на искореженную дверную пластину, прежде чем умудрился плюхнуться в кресло за компьютерным столом, где немного перевел дыхание, напряженно разглядывая останки механического робота. Воспоминания о его предсмертном хрипе – муках, выраженных в душераздирающем крике, не давали мне покоя. Все-таки был ли разум Томаса – самосознанием? С какой-то стороны, необходимо понимать, что все мыслящие существа на этой планете определенно демонстрируют свою целеустремленность, осознавая окружающий мир, в котором они могут пребывать. Все животные в той или иной степени проявляют когнитивную функцию: они управляют своими психическими ресурсами, как восприятие или воздействие сознания. Каждое животное в ходе своего жизненного пути проявляет целостность и индивидуальность, а человечество и более – сознает само себя, как собственный безграничный разум, так и тело, ресурсы которого способны на многое. Наконец, все животные могут испытывать страдания или сопереживать страданиям других. И все эти доводы, упорядоченные догмы науки, в частности психологии, были связаны и с Томасом. Этот робот, как показалось мне, испытывал страдания, пытался осознать себя, хоть и делал это бесповоротно ошибочно, выдавая себя за несуществующую, казалось, личность.

Прошло несколько минут, прежде чем я смог прийти в себя. Выход, как мне показалось в тот момент, из этого медицинского отсека был лишь один – туда, куда ушло это существо, монстр, не знающий пощады. И когда я подошел к механической двери, немного вдавленной внутрь, я не смог сообразить, как ее открыть. У нее не было ни ручек, ни задвижек, к которым я настолько привык, что не мог различить иные способы взаимодействия с подобным механизмом. Тогда я начал на ощупь обследовать эту дверь, время от времени прибывая во мраке. Лампа циклично меркла, оставляя меня в кромешной темноте небольшой период.

Опуская подробности бесчисленных попыток выбраться, следующее, что я предпринял, будучи узником этого помещения – попытки, лишь попытки выбить стекло, которое оказалось в разы крепче, чем я предполагал ранее. Сколько бы я не бился об него, всячески проклиная несуразное положение дел, результатов это не давало.

Время шло, а я все не мог додуматься о том, как же мне пройти дальше, пока не обнаружил рядом с дверью, буквально в полушаге, тусклый зеленый скан, похожий на считыватель

штрих кодов, расположенный прямо на стеклянной стене. Над ним была небольшая инструкция, едва различимая наклейка, которую я тут же принялся изучать, вдаваясь во все детали. В ней было написано следующее:

«Внимание! Если ваш табельный браслет остался без питания, то Вам немедленно нужно подзарядить его. Каждый сектор нашего комплекса оборудован несколькими зарядными устройствами, которыми Вы обязаны воспользоваться незамедлительно. Для повышения уровня безопасности, двери на разных секторах открываются только при взаимодействии Вашего браслета со сканом. Не пытайтесь с помощью силы открыть двери. Не оставляйте детей без присмотра. Со всеми вопросами можете обратиться к инженерной станции номер пять.»

– Вот оно что... – выразил я вслух свои мысли. – Мне нужно зарядить этот браслет... – бурчал вполголоса я, констатируя данный факт.

Опираясь на инструкции, я незамедлительно принялся искать единственный возможный способ зарядить свое наручное устройство, которое, по моему первому впечатлению играло важнейшую роль во взаимодействии с местными механизмами, в том числе и дверными пластинами, преграждающие мой дальнейший путь. Выбраться наружу – первостепенная задача, которая воодушевляла меня, заставляя бороться с едкой скверной страха. Прежде всего, мне хотелось прильнуть в объятия своей супруги, рассказать касаясь всех ужасах пережитого кошмара. *Как поживает Рината? Беспокоится ли она за меня? Объявила ли меня в розыск?* Вопросы колко беспокоили меня, все пуще поторапливая.

Мой взгляд бегал по помещению в поисках необходимого, кочевал с одного неоднозначного объекта до другого, мимолетно изучая его, пока не остановился на небольшом красном шнуре, болтающегося у стены, за шкафчиками сотрудников. Данный провод был выделен яркой желто-красной лентой, вмиг привлечшей мое внимание. *Бинго!* В считанные секунды я приблизился к драгоценной находке. И когда я примерил этот провод к своему гаджету, подключая его в один из доступных разъемов, то на экране моего устройства вспыхнула красная батарея с надписью «Соединение установлено, идет зарядка». Надпись быстро пропала, и спустя мгновение экран переменял изображение, представляя мне начальное окно для использования данного гаджета. Благодаря яркому дисплею, даже в мгновения, когда освещение вновь померкло, я мог различить ближайšie ко мне объекты, как шнур, бетонную стену. Пока длилась зарядка, я пытался ознакомиться с управлением новоприобретенного устройства. Неожиданно мои холодные губы обронили еще одно непривычное словосочетание – *последний военно-научный комплекс*. Это были слова Томаса, что глубоко засели во мне. *Что же это могло значить?* Его слова, посыл его речи не сразу уселись в моем сознании, остепенившись только после пережитого шока. Искренне каюсь перед читателем, я заявляю о своих наивных надеждах, о неразумных действиях и попытках отторгнуть истину происходящего, которая казалось злополучной сказкой. Я терялся в догадках, не в силах отличить реальность от вымысла, и все, что я мог решить для себя окончательно: желание выбраться как можно скорее. *Моя семья, моя семья определенно ждет меня,* – думалось мне.

Изучая электронное устройство на своей левой руке, я обнаружил на нем множество непонятных для меня приложений, предназначенных для своего бывшего владельца – инженерного робота. Когда я попытался открыть привычный браузер и выйти в интернет, то обнаружил полное отсутствие связи и включенных точек доступа на комплексе. Проблема моего поколения заключалась в том, что мы, наивные обитатели каменных джунглей, полностью зависающие от всех удобств современности, уже бессознательно опирались на, казалось бы, бесконечные ресурсы интернета, пользуясь им при любой возможной необходимости. А стоило это сокровищу иссякнуть, как это было теперь, то мы – мастера, настоящие профессионалы

в поиске и обработке информации терялись в пучине своих мыслей и догадок, оставаясь без всякой возможности принять правильное решение.

Единственной полезной находкой, обнаруженной мною тогда, была встроенная карта «Глезе» и для удобства ознакомления с данной рукописью, я приложу копию к приложениям. Позже я неоднократно пытался составить подробную карту данной местности, вырисовывая ее до мельчайших деталей.

Комплекс был выстроен в форме буквы «Т». Где центральное ядро, куда я держал путь в поисках Анны (и дальнейшего выхода, разумеется), было в самой середине сооружения. Каждая станция на этом военно-научном комплексе, как мне показалось тогда, имела свое предназначение, несмотря на то, что часть комплекса была открыта несколько позднее начала его использования, но об этом несколько позже. О размерах всего сооружения, опираясь лишь на карту, представленную в глубинах гаджета, толком судить я не смог. Достоверно было известно, что крупных помещений было десять (нумерация начиналась с нуля), а выходов, не считая аварийных, и того меньше. Мои координаты в тот момент никак не отражались на яркой картинке, и о своем местоположении, как и о многом другом, я мог лишь догадываться.

Спустя время мое новое электронное устройство было заряжено на полную мощность. Небольшой символ в виде батарейки, который предстал в крайнем углу карманного монитора, горел зеленым пламенем, полностью заполнив процентную шкалу. Плавно отключив провод от портативного гаджета, я двинулся в сторону дверной пластины, монолитного железного бруска.

Хоть речь связавшейся со мной девушки была отрывиста и не понятна, то и дело обрываясь на полуслове, я усвоил ее наставления о том, что мне следует прибыть к девятой станции, где возможно, представлял я, будет ожидать дальнейшая помощь, как в виде полиции (мне столько хотелось им высказать), так и в виде медицинского персонала (самочувствие у меня было нестабильное, но изначальная слабость после пробуждения сходила на «нет»).

Я двигался вперед, лелея себя мыслями о скором воссоединении с любимой семьей, изнуренной после моего долгого отсутствия.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Теперь, когда у меня был доступ к управлению дверьми, выход через которые осуществлялся только с помощью виртуального ключа, я поспешил скорее добраться до Анны. Сейчас она была для меня своеобразным символом спасения, огоньком, что горел во мне надеждой выбраться, маяком, освещающим пучину неизвестности, вспененными волнами захлестывая меня. Подбежав к скану своего устройства, которое я в дальнейшем буду именовать как «браслет», я прислонил его к красноватому свету, исходявшему от сканера неподалеку дверного проема. Клетка, сдерживающая меня здесь, больше не казалась серьезной преградой. Спустя мгновение помятая дверь потянулась вверх (*что было неожиданно, подобные технологии были явно чужды мне*) и передо мной предстал длинный темный коридор, освещенный тусклыми лампами, которые гнездились под высоким бетонным потолком, покрытым влажным налетом. Местами скопление влаги собиралось в таком объеме, что они громоздкими каплями падали прямым в низ, образуя мутную лужу, вокруг которой, благодаря благоприятным условиям, начинал разрастаться карий грибок.

Робко выглянув из медицинского отсека, стараясь не издавать лишнего звука, я осмотрелся. По правую руку от меня серый коридор уходил в густую темноту, да так, что видимость кончалась метров через десять, а по левую я заметил лик света в самом его конце, точно островок безопасности, вокруг которого торжествовала буря. Где-то в глубине, в чертогах моей потаенной души, казалось, я чувствовал чье-то присутствие здесь, словно наваждение настоящего зла. И подобная осторожность была совсем не излишней: существо, погубившее Томаса, все еще было на свободе. Я машинально двинулся навстречу небольшому отблеску света, опираясь, как мне показалось, на сырую и скользкую стену. Шаг мой был быстрый, однако зачастую я спотыкался о заржавевший металлолом или мусор, неряшливо оставленный посреди моего пути. То и дело слева от меня мелькали идентичные отсеки, комнаты, в одной из которых мне довелось пробудиться после мимолетного и загадочного сна: все помещения были оборудованы несколькими медицинскими койками, шкафчиками для персонала, компьютерным оборудованием. Вглядываясь через толстое устойчивое стекло, в одной из таких медицинских отсеков я обнаружил еще одного робота, который располагался на одной из таких коек. Он едва отличался от машины, которая представилась мне Томом (инженером по его словам), но имел свои специфические различия: он был полностью из белого металла, имел более пропорциональное тело и мог похвастаться более компактными конечностями. Не вооруженным взглядом было видно, встречая уже вторую модель локальной робототехники: каждая имела собственное назначение, русло, необходимое человечеству.

Убегая вперед своего повествования, сообщу о следующем своем наблюдении: следов присутствия людей, а не остатки великой цивилизации, мне так и не удалось обнаружить долгие часы моего пребывания здесь, плутая по зеркальным копиям помещений, не капли не отличавшихся друг от друга. Иногда я набирался смелости в пол голоса позвать на помощь, но делал это недолго. Озираясь по сторонам, я боялся именно того, кто смог посягнуть на робота Томаса, который уверенно твердил мне о своем существовании «во плоти».

По мере пребывания на шестой станции, которую я именовал, как медицинский корпус общего назначения (станция предполагала обслуживание поврежденных ИИ, а так же палаты жизнеобеспечения для персонала военно-научного комплекса), мне попадались и закрытые помещения: двери зачастую были заблокированы на цифровой замок. Через толстые прозрачные стекла я наблюдал лишь кромешную темноту, что мрачным эхом клубилась в подобных отсеках. Сквозь бремя темноты невозможно было отличить ничего, кроме очертаний предметов, схожих между собой. Любопытства ради, я пытался проникнуть в некоторые из палат. Однако сканы у таких дверей не считывали мой браслет, виртуальный ключ, отказывая мне

в доступе. Цифровой замок был неприступен. Тогда это казалось чрезвычайно глупым, что мое устройство не имеет возможности открывать передо мной все возможные пути, заставляя двигаться только в определенном направлении. *Мышь шла по заданному маршруту, следуя положенному курсу без отклонений.* Я чувствовал себя грызуном, на котором ставят эксперимент, наблюдая за каждым движением подопытного. С какой-то стороны, я и оказался им.

– Здесь есть кто-нибудь? – крикнул я, неожиданно услышав грохот во мраке позади себя. Шум доносился из противоположного конца коридора, откуда я удалялся. – Меня зовут Герман Хаски! Кто здесь? Вы можете мне помочь? – настороженно спрашивал я.

Ответа не последовало. Нарастающий скрежет вновь одарил меня своим визитом, предвещая надвигающуюся беду. Похожие щелчки металла уже были знакомы мне, и не на минуту не усомнившись в действительности исходящих лязгов железа, я нервно отступил назад, продолжая вглядываться в темноту. Немного оцепенев, я окрикнул еще несколько раз незваного гостя, прежде чем смог отличить нечеловеческие контуры. Между нами, как мне могло показаться тогда, было не больше сотни метров и с каждой секундой моего бездействия это расстояние сокращалось, оставляя мне все меньше шансов на выживание. Это был *Он*. Монстр медленно двигался в мою сторону, точно притаившийся хищник крадется к своей жертве. Металлический скрежет, кряхтение, отдаленный отзвук скрипящего железа, все нарастал. То, что двигалось на меня, медленно и томно ковыляя на одну из конечностей, не отвечало на мои вопросы. И чем ближе *Оно* подходило ко мне, тем больше я убеждался, что передо мной не человек, а невиданное существо, изнуренная машина, потерявшая контроль над искусственным интеллектом. Железный шепот окутал меня, и с несколько мгновений я не мог пошевелиться. Надвигающаяся железная туча источала роковой ужас.

Преодолев могущество страха, овладевшего мной, я смог противостоять кромешной агонии. Развернувшись, едва не поскользнувшись от резкого рывка, я принялся бежать навстречу свету, в конец длинного, нескончаемого коридора. Я бежал так, как не бегал никогда в своей жизни, чувствуя за собой леденящие плети погони. Если еще с час назад любое движение давалось мне с невероятным трудом, одурманенное состояние и слабость уже оставались далеко позади. Инстинкты подхлестнули меня, вдохнув силы в мое пробужденное после спячки тело. Медицинские помещения мелькали по левую руку от меня, и все чаще в них царил темнота: отсеки были отключены или вовсе были заблокированы для тех людей, которые не имели привилегированного доступа.

Во время своего бегства, я трусливо оборачивался назад, цепляясь своим встревоженным взглядом за существо, нагоняющее меня. *Оно* ускоряло своей темп, а от бывшего хромого такта не осталось и ветхой ноты. Ритм его металлических конечностей, направляющихся с дикой, животной и необузданной скоростью в мою сторону, можно было сопоставить с военным маршем в груди у напуганного кролика, которым в данной ситуации являлся я. Пробегая последний медицинский отсек под номером тридцать, я достиг намеченного света, который сочился из-за ближайшего поворота. И когда я резко повернул налево, скрываясь за углом, то оказался перед громадной широкой дверью. На этих помпезных воротах была выгравирована посеребренная надпись: «Станция №7. Жилые помещения».

– Черт тебя дерит... – вырвалось у меня.

Позволить себе такую роскошь, как раздумье, было невозможно. Существо нагоняло меня. Его томное дыхание и лязг металла близились с каждой секундой. В тот миг я неуверенно принялся подносить свой браслет к считывающему сканеру, но тот никак не реагировал на электронный ключ, категорически игнорируя наручное устройство. Я пытался провести его вновь и вновь, осознавая, что если сейчас не случится чудо, то я стану новой (очередной?) невинной жертвой этой кровожадной машины, неизведанного для меня существа, противостоять которому было абсурдно. К тому моменту, как мне казалось, *Оно* успело унести не одну механическую жизнь, если реальность искусственного интеллекта можно достойно

наименовать *жизнью*. Томас Ванст, первый ИИ, которого мне довелось лицезреть в первые мгновения моего пробуждения, стал опорной точкой для моего дальнейшего взаимодействия с новым миром, открывшимся для меня в одночасье. Один из величайших научных деятелей былой эпохи возводил монологи о реальности нашего мира, о действительности нашего окружения, сомневаясь в одном из столбов мироздания – истине. Смог бы Томас, утверждающий о своем человеческом происхождении, усомниться в собственной реальности, доказав тем самым свое истинную сущность? Человек – единение материи и идеи, единение тела и мысли. Отличается ли внутренний мир Томаса от внутреннего мира садовника, ухаживающего за благоухающими цветочными полянами, расположившимися неподалеку от моего дома? Наше тело лишь материальное начало, которое удерживает природный и свойственный ему дух, который не только способен изменяться, но и перемещаться в пространстве. Делясь пережитым опытом, работая над собственным дневником, я – Герман Хаски, все больше обращаюсь к различным философам, изучая вопрос человеческой истины.

Мой электронный ключ, который я суетливо пытался провести у считывающего сканера, иронично сработал лишь тогда, стоило существу оказаться позади меня. Я чувствовал сильную вибрацию, гудение и скрежет, исходящий от него, но не оборачивался, прикладывая усилия для активации дверного проема. Тогда лишь несколько метров отделяло нас между непосредственным контактом, который в дальнейшем мог оказаться для меня последним. Неожиданно, хоть и с небольшой задержкой, дверь отворилась. Прежде чем дверная пластина полностью поднялась вверх, я вбежал в следующий, неизвестный для меня коридор, и обернулся для того, чтобы закрыть за собой двери, блокируя вход для своего преследователя, когда я полно масштабно увидел его – обезумевшего робота, нагоняющего меня. *Оно* предстало передо мной, выйдя из крошечной тени медицинской станции.

Первая встреча с абсолютным злом, как казалось мне в ту давнюю пору, военно-научного комплекса «Глезе», навечно сохранилась в моей неприступной памяти, бесконечной бездне информации. Чтобы читатель лучше представлял, как выглядел тот робот, именованный в дальнейшем – «Рейдж», я опишу вам его внешность, стараясь не упустить необходимых деталей и крупинок описания, в действительности от которых колени ходили ходуном, а сердце уходило в пятки.

Когда-то это был инженерный робот, незаурядный и простой механический помощник вроде модели Томаса. Но после неоднозначных событий, о которых вы узнаете позже, Рейдж стал гораздо больше, как в физическом, так и в духовном смысле, чем являлся изначально. Он был особенным, единственной подобной моделью, уникальным сочетанием ИИ, разума, взятого из информационной библиотеки, и модернизированного скелета машины. Впоследствии, после череды незаурядных событий, выливая свою агрессию на подобных ему роботов (в большей степени программное обеспечение блокировало любую агрессию, не в силах нарушить одно из главных правил робототехники – *возможность причинить урон прочим существам*) Рейдж начал деактивировать своих жертв, заполучая все новые детали и ресурсы. Эта машина охотилась за самым ценным, что было внутри каждого из них: черная субстанция, служащая своеобразным топливом, которую можно сравнить лишь с одним – кровью, обслуживающую живой организм. С каждым убийством подобных ему машин, заполучая необходимые ресурсы, в обход установленного протокола, он самостоятельно совершенствовал свою конструкцию, увеличивая установленную мощность. Его механическая челюсть пестрила острыми железными прутами, сточенными до настоящих хищных клыков. Дополнительные камеры, когда-то служащие глазами для других роботов, теперь были установлены у Рейджа повсеместно, что давало ему уникальный кругозор. Конструкция скелета была увеличена вширь, а «энергодатарея» – сердце любой машины на «Глезе», была спаяна из нескольких аналогичных устройств, способствуя практически бесконечному бодрствованию, вечной охоте, не нуждаясь в подзарядке так, как нуждаются прочие машины. Мой читатель может задать ряд вопросов о внутреннем

устройстве любого механического робота, надеясь на мое истолкование происходящего, которое я буду давать по порциям, не превышая установленные мною нормы. Самое главное то, что современные локальные роботы питались двумя типами ресурсов: энергией, которая была в дефиците и темной плотной субстанцией, что базировалась как на нефти, так и на внеземной материи, прибывшей на нашу планету незадолго до Великой Бури вместе с породившим ее метеоритным дождем.

Искренне желая отделаться от Рейджа, я со всей силы ударил по внутреннему сканеру жилой станции, считывателю электронных ключей, обламывая данную конструкцию. В ту же секунду двери мгновенно потянулись вниз, в последнюю секунду заслоняя собой моего обидчика, огораживая меня перед возможной кончиной. Монолитная железная пластина теперь разделяла нас. Сканер искрился, таясь в легкой дымке. Я еще с несколько минут стоял так, замерев от увиденного ужаса, прежде чем смог развернуться и проследовать дальше. Все это время было слышно, как *Оно* пытается проникнуть ко мне так же, как совсем недавно проник в отсек Томаса, от которого осталось лишь доброе имя робота. Мощные глухие удары слышались неумолимо. А его механический животный рев, словно восклицание обезумевшего медведя, эхом разносилось по вентиляционным тоннелям, проходящих над нами.

После того, как я оказался на седьмой станции, именуемой жильными помещениями, я пребывал в небольшом шоке после яростной встречи. Рейдж еще с несколько минут продолжал попытки преодолеть металлическую преграду, прежде чем неожиданно затих, потеряв ко мне всяческий интерес. Однако, я решил как можно скорее удалиться в более безопасное место, в надежде встретить либо Анну, службу медицинской помощи и полицию, либо выживший персонал, который не смог обуздать вышедшую из строя машину. В чертоги моего сознания закралась мысль о том, куда делись все сотрудники комплекса «Глезе»? Для меня этот факт казался невероятно странным и пугающим.

Станция семь представляла собой череду коридоров, в каждом из которых находилось с десятков тонких деревянных дверей, ведущих в небольшие жилые комнаты. Настоящий муравейник.

– Помогите мне! – снова выдал я из себя. – Здесь кто-нибудь есть? – кричал я, казалось дрожащим голосом.

Тишина. Дверей в небольшие комнатки для персонала было хоть отбавляй, но в надежде повстречать живую душу, способную оказать мне помощь, я решил обойти все, осмотревшись на станции как можно внимательнее. По началу соблюдая тон и ноты вежливости, я стучался в каждую из них, прежде чем заглянуть внутрь – в этом заключалось мое воспитание. Интересным фактом было отметить, что на каждой из двери висела табличка с информацией о ее владельце, так сказать визитка, несущая сведения об имени, роде деятельности и контактными данными хозяина комнаты.

Первой комнатой, небольшим сектором, куда я заглянул, владел Юджин Гокер, рабочий первого разряда второй станции. Так же был указан информационный номер, который оказался недействительным: я сделал несколько попыток связаться с ним по своему портативному электронному устройству, однако его «браслет» не принимал ни входящие, ни голосовые сообщения. Вскоре испытав неловкость, зайдя к нему, удостоверившись в отсутствии владельца, я обнаружил необычайный хаос в его маленькой скромной комнате, напоминающую по своей структуре обыденную квартирку-студию. Интерьер был в стиле минимализма, обставленный только необходимой мебелью для минимальных комфортных условий проживания в этом помещении. Было крайне не убрано, неуклюже раскиданные вещи громоздились по всей площади комнаты, как могло показаться, были разбросаны то ли в спешке, то ли по неухоженной манере хозяина. Все было точно перевернуто, как говорится, вверх дном. Даже продовольствие (в основном привычные полуфабрикаты) из открытого наспех холодильника испортилось и имело черно-зеленый оттенок, переливаясь с синим налетом: лед на них давно растаял,

а от них исходил легкий «душок». Под кроватью пищала одинокая мышь, поедая черствый кусок хлеба. Грызун совершенно не испугался моего присутствия и нагло продолжил свою трапезу, время от времени переводя свой иссиня черный взгляд на меня, совершенно игнорируя. Оконного проема здесь не было, а единственным освещением была крохотная люстра на потолке, оснащенная лампами эконом класса. Помимо спального и кухонного уголка, так же был намек на кабинет: на письменном столе, собранным на скорую руку из древесины низкого качества, было несколько документов, с которыми, в надежде разобраться в происходящем, я поспешил ознакомиться. Часть из них не представляла для меня никакого интереса, так как имела сугубо рабочий характер, но после тщательных поисков я наткнулся на личное письмо, которое содержало следующий текст:

«Дорогой Юджин! С прискорбием сообщая, что наши встречи необходимо будет прекратить. Наша команда стоит на пороге величайшего открытия, возможно последнего в истории человечества на этой планете. Доктор Вудсток, глава этого эксперимента, просит от нас полной отдачи. Я надеюсь, что в конечном итоге, если у нас получится выполнить все поставленные перед нами задачи, я смогу помочь и тебе. Мы больше не одиноки. Твоя Эмми.»

– Юджин, где же ты? – пробурчал я, откладывая письмо, значение которого не сразу отпечаталось в моей голове.

Постучав в следующую дверь, которая принадлежала еще одному рабочему, прикрепленному к станции номер два, я аккуратнo заглянул через нее. Надежда тлела во мне все сильнее, перемешиваясь в диком коктейле с разочарованием и страхом, окутывавшим меня. Ужас, который время от времени отступал, давая мне небольшие передышки, вновь поглотил меня, когда я увидел на кровати этой комнаты мертвое, почти разложившееся тело, которое доедали местные грызуны, хищно откусывая гнилое мясо. Было видно, что человек покончил с собой, так как в его правой руке крепко сжимался наточенный нож, искрясь в бликах искусственного освещения. Вся комната была забита пустыми стеклянными бутылками из-под пива, марка которого показалось мне неизвестной и окурками из самодельных сигарет, не докрученных до конца. Обследовать дальше данное помещение показалось мне отвратительной и тошнотворной идеей. Прежде чем покинуть комнату с мертвецом, отогнав назойливых крыс, я накрыл его тело покрывалом, лежавшим неподалеку. Перекрестившись, в голове начали складываться мысли, точно мозаика, превращаясь в целостную картину. Вскоре грызуны, местные хозяева, нехотя покинули свою обедню, скрываясь во мраке кухонного уголка.

Самоубийство. Для меня казалось невообразимым то, что могло заставить человека пойти на самоубийство – один из немногих грехов христианского мира, казалось бы, за который не прощают даже священнослужители, слуги и глас Господа, консервативно следуя всем его наставлениям и предписаниям. Вновь переживая злополучные события, описывая их в своем повествовании, сообщу о следующем: распутывая клубок противостояния загадок, не обуздав волну новой информации, фактов о нынешней реальности, тяжелого становления и осознания собственного «Я», каждая жизнь была для меня не просто частицей в бесконечном потоке вселенной, а нечто большим. *Любая жизнь священна.* Мысли о смерти – самое непристойное, грязное и отвратительное, что могло бы всплыть у меня в голове.

Ближайшие несколько часов я плутал по жилой станции. Я уже без церемонии заглядывал в каждую комнату, нагло осматривая жилые помещения. Задержался на седьмой станции не только потому, что надеялся встретить людей, способных помочь мне, но и потому, что не сразу смог сообразить, в каком направлении мне нужно двигаться, дабы достичь станции Анны. Да, мой гаджет был оснащен элементарной картой локальной местности, но что к чему мне было не разобраться до конца.

В то время мне встречались и комнаты простых рабочих, которые либо покончили с собой, либо пропали без вести, оставив свой электронный ключ – браслет посреди жилого помещения; комнаты врачей, которые были не только просторнее, но и богаче. Помимо минимальных условий для жизни, они вмещали небольшую библиотеку, компьютерную технику и зачастую отдельную спальню, отделанную дубовой породой древесины, поблескивающей, в свою очередь, от качественного лакового покрытия. Так же встречались и комнаты военных (они представляли здесь средний класс, золотую середину между кошерным образом жизни врачей и простых рабочих), где я смог раздобыть мощный карманный фонарик и пистолет, который, честно говоря, показался мне настоящей дикостью. Впоследствии фонарь я устойчиво прикрепил к оторванным «погонам» на моих плечах так, что при желании мог осветить дорогу перед собой. А говоря об оружии, которым я практически не умел пользоваться, то его я поместил в широкий нагрудный карман моего жилета. Я никогда не интересовался военно-научного тематикой, поэтому у меня изначально закрались подозрения о своей некомпетентности в стрельбе, когда (и если) придет черед защищаться. Да и сама рукоятка сидела в моей руке как-то неудобно, да на столько, что ее габариты слегка удивили меня. Но, мысль о том, что при дальнейшем нежелательном контакте я смогу за себя постоять – немного воодушевляла.

Очень часто мой взгляд скользил по запечатанной консервации, закупоренным винам, однако, говоря о провизии, я помню прекрасно, что совсем не испытывал чувство голода, как такового. Подобную странность я списывал на стресс, состояние шока и кромешный страх, что уже успел пережить.

Время незаметно шло для меня. Я обнаружил, что спустя несколько часов, которые я пережил на этом военно-научном комплексе, мое тело, изначально ватное и усталое, наливалось таинственной энергией, совершенно точно повинуюсь всем моим импульсам. Оно словно оживало и перерождалось, просыпалось после глубокого дурманящего сна и теперь источало силу, будоражащую меня. Любое движение стало увереннее, давалось мне куда легче, чем после моего пробуждения, когда мне удалось высвободиться от шлема, оков неудачного эксперимента под гордым именем «Мария».

Следует упомянуть о том, что поиски людей, сколько бы я не бродил по станции, так ничем и не закончились. Так никого встретить мне и не удалось. Попадались мертвецы, погибшие при загадочных обстоятельствах, самоубийцы, но зачастую комнаты были совершенно пусты, владельцы которых точно растворились в густом мраке «Глезе», не реагируя на вызовы через электронное устройство, приобретенный гаджет, служащий и связкой ключей, и мобильным телефоном, снабженным как картами, так и библиотекой персональных данных. Шаг за шагом, из помещения в помещение, я был все ближе к намеченной цели – медленно продвигался к Анне. Изначально, вламываясь в частые владения, я жаждал о помощи: я всей душой стремился выбраться и поскорее воссоединиться с собственной семьей, жизни без которой не представлял. Но чем дальше я продвигался в мистическом тумане, состоящем из неоднозначных загадок о реальном положении дел, тем сильнее мне хотелось разобраться в происходящем.

Оглядываясь назад, честно сказать, не представляю, что тогда удержало мою веру в статичном состоянии, помогая двигаться только вперед, преодолевая любые трудности, перешагнуть через которые было весьма трудно. Находиться в здравом уме, не тронуться рассудком, сталкиваясь с иронией и трагедией судьбы, оказалось гораздо труднее, чем это может показаться. Семья и стремление жить, будучи подкованным необузданным страхом – главные столбы моего состояния, которое я переживал тогда.

– Рината... Где же ты? – временами спрашивал я себя, уходя в размышления. – Я найду вас... – твердил я.

Почти каждая комната пустовала без своего владельца, медленно погружаясь в объятия небытия, пустующей вечности, скромно таясь в ожидании внимания, покрываясь пылью.

Но ближе к переходу к другой станции, когда я едва заметил массивные железные двери, точно властные ворота, то заметил следующее: на некоторых дверях были следы взлома (кто-то пытался выломать двери, которые в большинстве своем даже не имели электронных замков). Компактные сейфы, скрытые потайные ячейки, спрятанные в недрах каждого помещения, оказались грубо выпотрошенными наружу. Опустошенные разбитые копилки, порванные документы, растрепанные аптечки первой помощи попадались на глаза в первую очередь. В одной из наиболее пыльных комнат, где след вечности громоздился заметнее всего, были видны следы исчезнувших книг или документов. На небольшом книжном столике выделялся чистый прямоугольник, за пределами которого едва ли миллиметровым слоем располагалась пыль.

– Кто-то был здесь... – выразил я, проведя рукой по столу.

Все чаще в моей голове стали мелькать мысли о выживших местных мародёрах. Преступников, но все же людей. *Был бы я рад такой встрече? Несомненно.* Если бы местный криминальный синдикат, опустошавший заброшенную военную станцию, наживаясь на его сокровищах, предложил бы мне помощь, я был бы готов на все, лишь бы скорее добраться домой, к любящей меня семье, по которой уже безумно тосковал. Как и сейчас, я был готов на все, лишь бы оказаться дома.

К тому времени оставалось всего несколько комнат, которые остались без моего внимания. Эти помещения были отделены от остального жилого сектора. Как оказалось в дальнейшем, это были комнаты ведущих ученых «Глезе», сохранность которых была приоритетной целью для бывшей службы безопасности. Одним из этих помещений владел доктор Вудсток, куратор всего комплекса. На информационной таблице данные о связи с ним отсутствовали, а металлическая дверь выглядела более надежной, выполненной с элементами гравировки в виде личных инициалов владельца. Вход в его апартаменты, в отличие от остальных, имел как виртуальный доступ при помощи своего персонального «браслета», так и возможность запереть владения на кодовый механический замок. Но сколько бы я не пробовал прислонить свое устройство к специальному считывателю, мне отказывали в доступе, чему я совершенно не был удивлен. Мне не хватало прав «авторизации» и полномочий для проникновения во владения одного из важнейших лиц персонала.

– Мне нужен другой браслет... Браслет Томаса никуда меня не пускает! – злился я, с яростью толкнув входную дверь.

Моя идея, концепция виртуозного плана заключалась в том, что если бы я раздобыл личный браслет, принадлежащий руководству комплекса «Глезе», то получил бы доступ в любую точку, комнату или станцию, которая может понадобиться для моего дальнейшего спасения, неоднозначного путешествия. И, возможно, как мне показалось тогда, Анна, спутница ожидавшая меня, владеет таким или знает, как мне его заполучить. Переводя дыхание, я присел неподалеку от комнаты Вудстока, чтобы попытаться установить виртуальный контакт с этой девушкой, которая, к большому моему сожалению, больше не объявлялась. Я предполагал, что мое наручное электронное устройство вполне способно не только принимать сигнал, но и связываться с контактами самостоятельно, однако наладить связь было чертовски сложно.

Знакомство с электронной техникой в моем детстве развивалось настолько стремительно, что я не отдавал себе отчет, что перехожу все рамки юного пользователя, все глубже погружаясь в изучение различных гаджетов. Сначала это были стационарные телефоны, чьи габариты едва умещались в кармане моего комбинезона, игровые платформы, подключенные к домашним телевизионным ящикам, а дальше и первые мобильные телефоны, совершенствующиеся каждый год. Молодые юноши, как казалось мне всю мою жизнь, больше склонны к инженерии и смежным наукам, чем девушки лишь благодаря тому, что практически никогда не боялись заглянуть в самые недра любого устройства, наивно разобрав его, даже под риском того, что оно может окончательно сломаться или не включится вовсе. Все начинается с детства, когда мальчикам интереснее возиться с конструктором, зачастую ломая собственные вирту-

озные постройки, а девочкам – куклы. Неудержимое любопытство среди мужчин любого возраста являлось главным рычагом того, почему технические науки были им куда ближе, чем могло показаться на первый взгляд. Для исключений всегда найдется место, даже в мире обыденных вещей. Именно поэтому мой давний друг Тесла – стал инженером, а я оставил всякое желание прославиться изобретателем.

В тот момент, прислонившись к холодной бетонной стене, присев на небольшой деревянный контейнер, я вновь окунулся, точно в ледяную неизвестную прорубь, в изучение своего гаджета. Время на станции – было понятием парадоксальным. Оно хоть и существовало, но совершенно не ощущалось ни зрительно, ни интуитивно. Оконные рамы, люки, и другие проемы, через которые люди с первичных времен определяли время суток, удивительно отсутствовали. Встретив такое, увидев знакомые очертания столицы или пригорода, я бы обязательно вырвался на волю, покончив со злосчастным приключением, едва ли стоящим моей жизни. Однако клетка оставалась ею до самого конца, пока оковы не падут по собственной необходимости. Обследовав большую часть жилых помещений, мною было отмечено, что иногда вместо привычных окон, через которые можно было бы любоваться фазами дня, в комнатах были установлены обманки: искусственные рамы, хитро оборудованные лампами дневного освещения, создавая иллюзию живого солнца. Жалкий фокус, способный обмануть лишь зрительную природу.

Создавалось впечатление, что вновь прибывшему гостю, решившему стать частью военно-научного комплекса «Глезе», могло показаться, что время вовсе остановилось, таясь в блаженной тишине. В таком климате, когда время суток не является для тебя чем-то действительно важным, может подниматься и продуктивность коллектива: работа в несколько смен, смещенные графики и дежурства. Персонал, прожив здесь львиную долю своей жизни, вряд ли сможет противостоять натиску привычного ощущения времени, даже посещая выходы и прогулки вне внушительных стен комплекса. Так и сейчас, все больше погружаясь в информационные недра своего браслета, стараясь разобраться, как могло показаться моему читателю, в элементарном интерфейсе, я всячески потерял ход времени. Не знаю, сколько у меня ушло драгоценных минут, сокровенных мгновений, которые я мог бы потратить на времяпрепровождение с семьей, но мне удалось наладить контакт со станцией Анны, чей сигнал постоянно прерывался. Я смог связаться со станцией девять.

– Анна? – спрашивал я довольно громко, не понимая, слышит ли меня мой собеседник. – Анна, ты тут? – я рисковал всем, чтобы поговорить со своей спутницей, опасаясь очередной встречи с Рейджем.

– Герман? Герман, где Вы? – слышалось сквозь помехи.

– Анна, я с трудом выбрался с восьмой станции. Оно... хотело меня убить! – не совсем внятно объяснял я, вспоминая пережитый ужас. – Я сейчас на седьмой, плутаю между помещениями. Готов перейти в следующую станцию, но думаю, что с этим браслетом далеко не уйду. Я нахожусь у комнаты главного инженера. Я боюсь, что не смогу дойти, меня не в первый раз подводит браслет... Анна? Прием? – медленно, но четко говорил я.

– ...Герман, я очень плохо слышу Вас. Если увидите его, то сразу... И не думайте встать у него на пути, Герман, я боюсь за Вас! – говорила она отрывками. – ... Я смогу перепрограммировать Ваш личный браслет... комната Вудстока! Точно! Через его персональный компьютер... помогите... Вызовите меня из его комнаты!

– Да, но как мне попасть туда? Я уже пробовал, говорю же! Сканер не пускает меня, а дверь как мне кажется... Она непреступная! – нервничал я.

– ...Герман, поторопитесь, у меня мало времени... – выкрикнула она. – ... Я сейчас изучаю вентиляционную схему комплекса... Через комнату Эмми Стоун, его соседки... Вы обязательно попадете... – говорила она отрывками, то и дело прерываясь на полуслове. – Используйте межкомнатную вентиляцию!

– Анна? Там все хорошо? – испугался я. – Полиция и спасательная группа уже прибыла? Да где же все! Где остальные люди?

– Я все объясню после... Вызовите меня из комнаты... И помните: я жду Вас на станции девять!

Сигнал прервался, стоило моей спутнице договорить.

Подчиняясь рекомендациям Анны, молниеносно я поднялся и проследовал по коридору, где расположились жилые помещения влиятельных людей, «сливок» и ведущих ученых военно-научного комплекса. Стараясь поймать взглядом фамилию Стоун, я вглядывался в каждую информационную табличку, располагающуюся на дверях соседних комнат. Что интересно, так это имена. Она были самыми разнообразными: здесь собраны фамилии со всех уголков нашего света, от англо-саксов до славян.

– Томми Браун, Клаус Фишер, Максим Ахматов... – читал я вслух.

Немного позже я заметил комнату Стоун, которая находилась через несколько помещений по соседству. Именно через ее спальню по плану Анны я должен был попасть к Вудстоку, преодолев вентиляционный лабиринт. Дверь в ее комнату была приоткрыта, а табличка небрежно держалась лишь на одном гвозде. Изначально в мою голову закрались мысли о том, что и эта комната была подвержена взлому, как и те, что встречались мне в противоположном жилом блоке. Однако, стоило мне заглянуть внутрь, как эта теория сразу рассеялась, ведь никаких признаков мародерства не было подмечено. Личная комната Эмми Стоун была нетронутой, где все вещи педантично расположились на своих местах, точно по вымеренной линейке: даже на прикроватном столике книги были выложены ровной башенкой, а под пустым стеклянным стаканом располагалась бархатная салфетка. Лишь небольшая пелена пыли, что проникла в это помещение, подсказывала мне о том, что и в этой комнате владельца обнаружить не удастся, сколько бы времени я не провел в ожидании или нудном вызове ее устройства, стараясь дозвониться через персональный гаджет.

Жилое помещение Стоун было куда просторнее, чем стандартные жилые комнаты, в которых я побывал ранее. А самым большим открытием, точно бесценным сокровищем, сделанным мною тогда, было настоящее окно, сквозь которое сочилось солнечное тепло. Возможно для многих моих читателей, не знающих бремена той поры, когда привычные вещи являются лишь пережитком прошлого, как, например – солнечный свет, дарующий элементарное тепло, наличие такого новшества, как окно – привычное дело. Но после многочисленных пустышек и искусственных оконных рам, стеклянных солнц или прочих обманок, после многочисленных часов плутания в мрачных лабиринтах увидеть реальный мир, вырваться навстречу которому было наиболее важно. И наконец, он предстал передо мной: ослепляющий белый горизонт.

Сквозь стекло, чья толщина была куда массивнее, чем могло показаться изначально, сочился благородный белоснежный свет. Ярким потоком, точно бурное течение, стремился он навстречу своему зрителю. Немного погодя, стоило мне подойти поближе, радуясь солнцу, точно ребенок, я застал всю картину происходящего вокруг комплекса «Глезе», казалось бы, покинутого людьми: под кристально чистым лазурным небом царила бесконечная и суровая зима, захватившая под свой властный контроль все земли прямиком до горизонта. Здесь царил север, поваливая плетями едкого пронизывающего холода. Кроме белого снега, нагроможденного толстым слоем так, что верхушки деревьев едва показывались, виднелось лишь чистейшее девственное небо. И, словно в ледяной пустыне, больше ничего не попадалось мне на глаза. Я старался отличить следы цивилизации на белом полотне, но все мои попытки были тщетны. Моему взору, одурманенному чувством надежды и всецельной любви к семье, не попадались ни отголоски цивилизации среди бескрайних просторов севера, ни зацепки, которые бы помогли определить собственное местоположение.

– Что же здесь происходит... – мое разочарование сменилось гневным припадком, и я что было силы начал биться об стекло, кулаками стараясь разбить оковы военно-научного комплекса. Оно даже не пошатнулось.

Потребовалось время, чтобы я смог собраться с силами и продолжить то, зачем явился в эту комнату изначально. Мой взгляд начал метаться по помещению в поисках вентиляционной шахты, но прежде я заметил письменный стол Эмми Стоун, на котором взгромоздилась огромная кипа документов, которая мгновенно привлекла мое внимание. Любая зацепка, крупица информации, ускользнувшая от меня, как показалось мне тогда, могла помочь мне в моем дальнейшем спасении. Когда же я подошел к ее столу, то обнаружил несколько прочитанных, слегка помятых писем, подписанных неким Юджином, чье тело я обнаружил ранее. В моей памяти тогда прекрасно запечатлелся этот молодой человек и то, как он погиб, подписывая себя на невероятный грех. С детства меня воспитывали должным образом, поэтому я принялся читать чужие документы, лишь найдя себе оправдание. Моя любознательность одержала вверх. В нем было написано следующее:

«Эмми! Сегодня в честь открытия нового военно-научного комплекса, нашего нового дома, я хотел бы пригласить тебя за наш стол. Мы с ребятами с радостью будем видеть такую очаровательную даму рядом. Алекс, грузчик со станции склада, смог выкрасить коллекционное вино, которое мы собираемся дегустировать в этот день. Натуральный виноград, урожаем двадцать пятого года. Возможно, этот полусухой нектар является последней бутылкой, которую мы сможем попробовать в своей жизни: уж слишком дорогое нынче удовольствие подобного характера. Никакая химия не заменит живой продукт, а синтезированное вино явная подделка. Твой Юджин».

Видно было, что письмо перечитывалось не раз: виднелись многочисленные складки, неловкие отпечатки и прочие мельчайшие детали. Под этим посланием лежало следующее, отправителем которого служил тот же Юджин Гокер:

«Эмми! К нам поступили новые роботы. Теперь не только медикам дали возможность побаловаться с новыми игрушками, но и таким смертным, как я. Освоить их было довольно просто, но после долгого контакта начинает болеть голова. Если мы сможем увидеться, то дай знать. Тебя совсем не видно в свободное время, оставь работу ненадолго. Твой Юджин».

В третьем и последнем письме, найденным мною на письменном столе Эмми, написанное тем же человеком, я прочитал следующее:

«Эмми! Я так и не получил ответа, но знаю, что ты все читаешь. Сегодня после второй смены я подожду тебя на выходе вашей станции. Сегодня обещали хороший день (если подобную погоду и можно назвать хорошей, то только такую), поэтому я хочу тебе кое-что показать. Захватчу с собой парочку новых Земных скафандров, не вы их придумали? Наши сопряжения с новыми роботами проходят успешно, дневное рабочее время пролетает мимолетно, многие ребята не хотят прерываться, радуются новым приобретениям. Теперь они проводят весь день за своими машинами. Я думаю, если бы ни потребности, они бы не отключались. Остальное расскажу вечером, столько всего интересного. Твой Юджин.»

Чтение последних инициалов автора было прервано резким скрежетом откуда-то сверху, что заставило меня насторожиться. Звук был такой, точно громадная баржа, мчащаяся на полном ходу, протаранила прибрежный хребет выпирающих скал, которые скрывались за фронтом бушующих вод. Металлический рев. В напряжении, замерев от протяжного воя металла,

длившегося не более нескольких секунд, я мысленно подчеркнул для себя очевидный факт: в пучине «Глезе» всегда нужно быть настороже. В противном случае, не следуя ряду правил, твоя жизнь, не стоящая здесь, казалось бы, чего-то ценного, остановится. Постепенно затихая, звук рассеялся так же скоротечно и резко, как и появился. Я вновь остался в сумрачной тишине и одиночестве, окутывающей меня.

Лишь убедившись, что мне не грозит опасность, я аккуратно отложил прочитанные письма в сторону, после чего продолжил изучать содержимое стола доктора Эмми Стоун. Однако единственной полезной находкой оставался лишь ее необычайно тонкий диктофон, забитый часами голосовых аудиосообщений. Решив, что автобиография девушки, записанная на электронное устройство, однозначно скрасит мое пребывание здесь, я отложил его в один из своих нагрудных отделений: теперь, помимо средства самообороны – пистолета, я владел еще и диктофоном. Небольшой гаджет нырнул в складку кармана, едва не утонув в нем.

Кроме писем, конечно, я находил и другие документы: различные распечатки, чертежи, схемы. Правда, к сожалению, содержание той или иной бумажки ничего не говорило мне, вводя лишь в заблуждение. Даже наличие высшего образования передового университета едва ли облегчало мое знакомство с технической документацией доктора Эмми Стоун, которая, как и я, была инженером. Конечно, были и знакомые моменты, но все точки соприкосновения для меня касались лишь теорией, применения на практике, без должного опыта, я не представлял.

Я понимал, что времени задерживаться на подобных мелочах у меня не оставалось, но честно говоря, не представляю, что заставило меня обратить внимание и повернуть свой любознательный взгляд в сторону небольшой отдельной комнатки: помещения ванной. И точно следуя за манящим рокотом судьбы, распутывая клубок многочисленных загадок, я двинулся именно в ванную комнату. Мне попало крайне тесное помещение, которое ничем не выделялось среди однотипных зеркальных ванных, что я встречал раньше, разгуливая по «Глезе», точно по парку аттракционов, ища что-нибудь интересное. Единственное, что увлекло меня – зеркало, которое на комплексе было, казалось бы, в новинку: нигде я не встречал цельных зеркал, все они, как одно, вероломно было разбиты. Посмотревшись в него, я был подвергнут удивлению, да так, что попятился назад, теряясь в догадках. Казалось бы, что с один миг, небольшое мгновение, которое окончательно укоренилось в моей голове: в своем отражении я не увидел себя. *Передо мной предстал другой человек. «Галлюцинация?»*, – подумал я, прислоняясь к своей щеке. Сначала мое отражение издали было монотонно белым, но подойдя ближе, прищурившись с несколько секунд, не веря собственным глазам, я наконец увидел Германа Хаски, которого я запомнил в последний раз. Наконец я увидел себя: ухоженные белокурые волосы, легкая щетина, небольшая, но заметная родинка над левым глазом, выделяющая меня из любого мужского коллектива. Я видел себя ровно таким, каким запомнил в тот день, когда собирался в гости к моему давнему приятелю Тесле, построившему самую коварную машину в моей жизни, благодаря которой, как уже может догадываться мой читатель, я оказался здесь. Интересно, что же случилось с моим другом после того, как я покинул его, разочаровавшись в его эгоцентричном эксперименте, посягнувшим на человеческое бессмертие. *Цель его опытов казалась недостижимой, невозможной.*

Что касается своего внешнего вида, так это то, что одет я был в потрепанный темный жилет, однозначно не приходившийся мне по размеру, да мои темные проеденные молью джинсы, имеющие не одну заплатку, болтались на ногах. Остальных вещей, как в которых я находился, так и мелочей – ключей от дома, мобильного телефона и опустошенного бумажника, не было и в помине. Подобная утрата могла показаться мелочью, учитывая факт моего заточения среди заброшенных лабиринтов военно-научного комплекса «Глезе», за стенами которого царствовала ледяная выюга.

Когда я выходил из ванной, то почувствовал вибрацию моего электронного браслета, являющегося главным атрибутом на этом комплексе. Я моментально ответил на звонок.

– Герман? Вы уже на месте? – говорила Анна весьма четко.

– Анна? – я был рад слышать ее голос. – Нет, я сейчас полезу в шахту.

– Герман, сильные перебои электричества могут прервать нашу связь в любой момент. Боюсь, в данный момент я не смогу исправить технические неполадки... Вы уже обнаружили вентиляционную шахту?

– Да... – замешкался я, рассматривая массивный железный люк, за которым скрывался необходимый туннель. – Анна? Здесь необходимы инструменты, которых у меня нет под рукой. Вентиляционный люк необходимо как-то взломать.

– Что? – немного погодя ответила моя спутница.

– Я говорю, что не знаю, как проникнуть в эту шахту. Тут железная дверца. – оценивая, твердил я

– О! – выдавила она, поразмыслив. – Это не является проблемой. Потяните на себя как можно сильнее... – сигнал нашей связи слабел. – Я верю в Вас, Герман... Поторопитесь, кажется... О! – вновь напряженно выдохнула она. – Кто-то пытается проникнуть на станцию... выламывая... Герман, я заблокирую аварийные эвакуационные двери, это ненадолго... Следуйте дальше, нам дорога каждая секунда. – сказала она, прежде чем отключиться.

Даже без названных имен, я понимал: это был *Рейдж*. Необузданный монстр, кошмар военно-научного комплекса, встреча с которым обращалась в агонию, как для любого механического создания, считающего себя живым, так и для любого незваного гостя «Глезе». Убегая вперед, заявлю о том, что подобных гостей, каким был я – судьба искушено бросала в объятьях этого разъяренного железного зверя, и никому еще не удавалось добраться так далеко, куда смогу пойти я, воодушевляя себя мыслями о самом дорогом, что было в моей жизни – семье. *«Рината, я люблю тебя», – повторял я вновь и вновь.*

Оказавшись перед сетчатым металлическим люком, через который, казалось бы, сочился свежий воздух в это помещение, я не представлял, как смог бы демонтировать его без необходимых подручных инструментов – той же циркулярной пилы или простого лома. И слепо последовав совету Анны, я схватился за выступающие края этой дверцы. Собрав все усилия, я потянул его на себя. Все мои силы были обращены против этого люка. Вскоре металлический скрежет, как громкий выкрик одинокого ворона, разлетелся по комнате: вентиляционная защита оторвалась от стены. Открыть, точнее, выломать дверцу оказалось гораздо проще, чем могло показаться раньше. И, поставив ее неподалеку, подтянулся к широкому гнезду, которое находилось на уровне моих плеч. *Это была одной из немногих моих побед.*

Глубоко выдохнув, радуясь собственному успеху, незамедлительно я забрался в шахту. Я был одновременно обескуражен силой, с которой смог преодолеть препятствие, а так поражен знаниями (и хитростью) Анны о сохранности вентиляционного люка: он мог едва держаться. В недрах вентиляционного лабиринта я оказался в кромешной темноте. Мгла обвиняла меня вокруг, точно змея, желающая сдавить свою цель, обездвиженную добычу, наблюдая за ее муками. Вовремя вспомнив про свое снаряжение, я поправил фонарик на моем плече так, чтобы луч света попадал прямо передо мной. Я полез вперед, теснясь в этом небольшом проходе. Так я полз несколько минут, постоянно сталкиваясь с неожиданными поворотами и развилками, многие из которых ввели не только по горизонтали, но и по вертикали. Был бы я более ловким, имел бы я меньшие габариты, то преодолел бы этот путь куда быстрее. И, уткнувшись в очередную металлическую решетку, сетчатый люк перед собой, что есть силы, выбил его. Преграда с шумом отлетела.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Оказавшись в комнате доктора Вудстока, преодолев тоннель вентиляционной шахты, я попал в самое комфортабельное и обустроенное помещение, которое только могло мне повстречаться во всем жилом блоке. Все вопросы о повышенной защите этой комнаты, как ее излишняя «уединенность» от колорита локального пролетариата, дополнительные меры безопасности, осмотревшись в роскошном владении ведущего инженера, хозяина сектора 7—061, отпали мгновенно. На канонично бетонных полах были постелены ковры (подобные встречались мне лишь как музейные экспонаты) оформленные в греко-римской тематике, на которых стояли прозрачные чаши, наполненные морским гравием, где помпезно красовались искусственные растения: к потолку устремилась пышный свод крупных лилий, распускались бутоны благородных голландских тюльпанов, благоухали яркие розы. На фоне французского окна во всю стену, едва прикрытого роскошными бардовыми шторами, узор которых напоминал древнее англосакское знамя, по периметру помещения можно было застать книжные стеллажи, застекленные тумбочки, за которыми скрывались едва ли бесценные сокровища – настоящие произведения искусства. Через толстое оконное стекло проглядывала нескончаемая ледяная стужа, завораживающая метель. Ко всему прочему, в комнате весело несколько картин выполненных в масле: на одной из них, как мне показалось, была изображена семья доктора Вудстока, а на другой их родовой герб. Помимо роскоши, здесь находился и рабочий уголок: компактная домашняя лаборатория расположилась по правую руку от меня. На нескончаемо длинном трехъярусном столе, обустроенном десятками ящичков, разместилось множество различных устройств, сопряженных со стационарным персональным компьютером Вудстока. Здесь громоздилась и фоторама с изображением спутницы доктора, компактный 3D принтер, печатающий различные элементы из любого доступного материала, цифровой микроскоп, в рабочей группе которого расположилась связка пробирок, внутри которой был лишь густой мрак.

С таким арсеналом, по большей части перечисление которого было бы излишним, доктор Вудсток, думалось мне, всегда имел доступ к работе. Фантазируя, можно представить, что именно здесь зарождались гениальнейшие плоды его творения, сокровенные разработки, которые зачастую становились не только открытием для всего комплекса, но и для остального мира в целом. К примеру для дорогого читателя, раскрывая завесу величайшей личности Вудстока, как ученого и куратора всего сообщества, сообщу что робототехника, развивалась именно под его началом. Мне уже доводилось встречаться с несколькими его проектами, в частности и изувеченным Томасом, сущность которого, в тот момент мне была еще не ясна. В своей жизни я повстречал десятки разносторонних личностей, чьи характеры будоражили мое воображение, удивляя своими выходками. Для кого-то нормой поведения и этикета было открыто и непридуманно грубить окружающим (многим женщинам почему-то это нравилось), а для кого-то неряшливо склонять разговоры к мыслям о том, что все замешано на всемирном заговоре или теневом правительстве. Будь Доктор Вудсток одним из таких людей – чудаковатым затворником, который проводит большую часть своего рабочего времени именно здесь, скрываясь от множества любопытных глаз, это бы никак не удивило меня.

По другую руку от меня находилась «жилая зона» этого помещения, где на широкой двухспальной кровати расположился, как я узнал впоследствии, выключенный робот (один из его засекреченных личных проектов), принадлежащий самому владельцу этой комнаты. Из его оцепеневшего рта, едва тронутого налетом ржавчины (влажность здесь была колоссальная) вытекала густая черная субстанция, точно едкая смола, постепенно высыхая на своем пути. Его безжизненный взгляд застилала пустота. Габариты этой машины немного отличались, как от инженерной модели, имеющий более крупный скелет, так и от более компактных медицинских роботов, о которых, кстати, упоминал Томас, маразматически сравнивая меня с одним

из них. Размеры этого проекта были прямо пропорциональные человеческому телу: машина была построена по образу и подобию мужчины. Одна из пластин на его сером корпусе плачевно болталась на одном винте, раскрывая внутреннее содержимое механической марионетки.

Я уже упоминал, что для разных слоев персонала, проводящего остатки жизни на военно-научного комплекса «Глезе», были созданы специальные машины, которые помогали им в рабочем быту. Ежегодно выходили новые модификации уже привычных машин. Например, инженерная модель – тяжеловес, необходимый, как для ремонтных работ, так и для транспортировки имущества комплекса, официально имел несколько прототипов. Медицинские машины, необходимые для более точных операционных работ, имели два аналога, первый из которых выполнял функции хирурга, второй служил помощником терапевта, настоящего врача медицинского блока. Но большую часть из роботизированного персонала «Глезе» составляли уникальные индивидуальные роботы, спроектированные разными командами, которыми распоряжался сам доктор Вудсток. Иметь широко функционального робота, способного помочь, как в ходе умственного труда, так и физического – было правилом хорошего тона в любом коллективе. Так и подобная машина, которую мне удалось обнаружить в комнате Вудстока, была в своем роде единственной, а ее дальнейшая специализация базировалась на грамотном менеджменте комплекса – контролировать различные системы, управляя «Глезе» из головной станции.

Медленно, стараясь не издавать лишнего шума, я подошел к покоящейся машине. Наблюдая за ее пассивным состоянием, я сделал выводы о ее деактивации, но когда увидел повреждение шейного отдела, из которого грубо были вырваны провода, окончательно убедился в дееспособности механического создания. Подобная исключительная «рана» (*подобные выводы я всегда делаю, опираясь на многоэтапный опыт, пережитый в стенах «Глезе»*) в этом металлическом теле была фатальной – провода соединяли жизненно важные процессы в искусственном организме. Остановившись, чтобы лучше рассмотреть эту железную марионетку, прислушавшись на мгновение, я различил небольшой шум, похожий на журчание или глухие всплески воды, доносившиеся из ванной комнаты доктора Вудстока.

– Здесь кто-нибудь есть? – обрадовался я, направляясь на глухие отзвуки плеска вод. – Меня зовут Герман Хаски, я не причиню вам вреда! Мне нужна помощь, любая помощь!

Я вытянул руку вперед и оттолкнул дверь ванной вовнутрь помещения, которая легко поддалась. Переступая порог, я вновь сообщил о себе, но никакого ответа не последовало. Ванная комната внешне не отличалась от идентичной, точно зеркальной уборной доктора Стоун. Звук плескания воды доносился из-за закрытой душевой кабины матового темного цвета, через которую разглядеть что-то было невозможной затеей. Подтянув руку к найденному ранее пистолету, я вплотную подошел к черной двери, прежде чем отворить ее.

– Здесь кто-нибудь есть? Я очнулся в медицинском блоке и нуждаюсь в помощи! – С этими словами я нервно отворил дверцу от душевой в кабинки, когда обнаружил мертвое, уже гниющее тело доктора Вудстока. – Оох... – смутился я от вида разлагающейся плоти.

Это был далеко не первый мертвый человек, найденный мною на «Глезе», однако лик смерти, нависший в состоянии нанести внезапный удар, отнять сокровенную и бесценную жизнь, будоражащее пугал меня. Суицид, очередной суицид в стенах военно-научного комплекса, где нет границ между реальностью и фантастическим вымыслом, сказкой, в которую, расскажи ее мне, я бы не поверил. Находиться здесь далее было крайне неприятным. От ведущего специалиста робототехники и управленца Вудстока осталось лишь гниющее тело. Жалость, неприязнь, отвращение, страх – все впитывалось в меня так же, как и влага в его опухший цветной труп. Определить точное время, да даже приблизительное время его смерти было мне не под силу. Рядом с ним лежало ржавое металлическое лезвие, которым и вскрыли вены. Доктор покончил с собой, не выдержав удары плетей судьбы так же, как и десятки людей здесь. То, что заставило их сделать финальный шаг в своей жизни, поставить жирную точку

на своем пути, было феноменальным. И причину их гибели, для своей же сохранности, знать мне совершенно не хотелось. Моя семья бы не простила мне самоубийства – легкого решения любой возникшей проблемы, с которой я привык сталкиваться лицом к лицу.

Выключив воду, я направился к персональному компьютеру доктора, где потратил несколько нескончаемых минут для того, чтобы наладить связь с Анной, услышать дальнейшие инструкции, чтобы убраться подальше от этого места. Мысленно мне хотелось оказаться в родном доме, почувствовал тепло любимых тел. Наконец я дозвонился до Анны.

– Герман? – говорила она. – Подключите... браслет к компьютеру и дайте... удаленное управление и доступ. —

– Но как? – смутился я, не понимая, о чем просит моя собеседница.

Она сделала еще несколько отчаянных попыток донести до меня информацию, повторяя некоторые словосочетания по нескольку раз, пока я хотя бы приблизительно не понял смысл последующих манипуляций. И после нескольких неловких операций с устройством, располагающимся на моем предплечье, мне с трудом удалось установить контакт между гаджетом и персональным компьютером (при включении он захрипел так, словно задыхающийся старик). Анна быстро перехватила инициативу, а я наблюдал, как двигался курсор мыши, то на мониторе доктора Вудстока, то на браслете. Казалось, она возилась с ним несколько минут, прерываясь лишь на мое подтверждение, которое заключалось лишь в нажатии клавиши «ввод».

Финальным штрихом (для завершения процесса оптимизации) оставалась перезагрузка устройства. Это было весьма трудно. Но я все-таки смог перезапустить свой гаджет. Отчетливо помню, как в голове пробежали мысли о целесообразности своего высшего технического образования. Оно не сделало из меня высококачественного специалиста. Ведь мне было не подвластно даже знакомство с новым устройством, элементарно познавая его многофункциональные стороны. Будь Тесла, мой давний приятель на моем месте, я был уверен точно, что он бы и без помощи Анны смог совладать с этим гаджетом, перепрограммируя его самостоятельно.

– Ох! – неожиданно воскликнула она. – Герман, нужно двигаться дальше, кто-то проник на жилую станцию... Двери были разблокированы со стороны медицинского блока... Герман?

– Это невозможно! – удивился я, вскакивая из-за компьютера. – Я же выломал сканер! Я сломал считывающий сканер! Между станциями только одни ворота? Как... Как он смог проникнуть сюда? – удивлялся я, направляясь к выходу. – Анна? Анна? – спрашивал я, утопая в страхе.

Мой вопрос остался без ответа, как и множество других, которые я вновь и вновь буду задавать в пустоту, пребывая на военно-научном комплексе «Глезе», именуемым в местных краях, как последний. *Но был ли он таковым? В чем задача пропагандировать специфическую уникальность, одиночество, отстраненность от внешнего мира для данного комплекса?* Вопросов было столько, что даже спустя столько времени, многие из них для меня остались неразгаданными. Моя собеседница вновь пропала в пучине шума, очередной раз оставившего меня в одиночестве, которое, кстати говоря, все больше давило на меня, морально сдавливая в своих тисках. Робинзон Крузо прожил в полном отшельничестве, будучи отрезанным от всего мира, двадцать восемь лет, пока однажды его не спасли пираты. И после стольких лет одиночества он переродился, как личность, нравственно, отбросив все человеческие невзгоды. *О, я и сейчас мечтаю о подобном.*

Беспрекословно слушаясь наставлениям Анны, я выбежал в центральный коридор. Аккурратно выглядывая за угол в то место, где были расположены двери, ведущие в сторону медицинской станции, я заметил, что они были разблокированы и приоткрыты так, что снизу пригнувшись, мог бы пройти любой смелый полурослик.

– Рейдж... Он открыл их... – шепча проговорил я.

Охота продолжалась. Хищник, преследовавший свою жертву, мог подстергать меня где угодно, затаившись во мраке нескончаемого муравейника. Незримое присутствие этого созда-

ния внушало животный перевозданный страх. Сердце уходило в пятки, когда присев за небольшое укрытие (какой-то запечатанный контейнер), я судорожно бросился к «прошитому» гаджету, в котором задумал открыть карту данной станции. Стараясь отыскать себя в лабиринте жилого блока, сфокусировавшись на выделяющейся комнате ведущего инженера, я нашел путь (он оказался единственным), который бы привел меня в пункт моего назначения – станцию девять. И ловко выглянув и осмотревшись по сторонам, двинулся в необходимом направлении, стараясь вложить в каждый свой шаг как можно больше уверенности, не позволяя ужасу завладеть мной окончательно. Я пытался двигаться тихо, прокрасться к последующим дверям, не наживая при этом себе очередных неприятностей, пока не услышал за очередным поворотом металлический гулкий треск. Я был на чужом поле, не имея никакого преимущества перед яростным хищником. Это поле, вдоволь изведенное моим оппонентом, целиком и полностью принадлежало лишь ему. Он жаждал реванша, жаждал мою плоть.

Когда я покинул комнату доктора Вудстока, я тешил себя надеждой, что Анна ошибается в присутствии моего недоброжелателя поблизости. *Механические двери могли дать сбой?* Но когда за очередным поворотом послышался знакомый мне скрежет металла, тяжелый перебор его конечностей, то, начав молиться всем Богам, что только помнил, поспешил последовать дальше, стараясь не наткнуться на разъяренное существо. Не постыжусь рассказать своему читателю, что мой страх перед Рейджем был намного реальнее многих вещей, окружающий меня с первой минуты моего пробуждения. Тень его присутствия, мысль о нашем возможном столкновении щекотала мои нервы, точно перышко невинную детскую лодыжку.

Уж слишком задержавшись в жилом блоке, распутывая клубок потаенных загадок, я торопился покинуть его. Любознательность – большая оплошность, которая могла подвести меня к краю пропасти: встречи с Рейджем. Зачастую именно любопытство – ключевой фактор всех бед. Как дети не слушаясь наставления старших, обязательно увязнут в беде, так и я, увлекаясь едва ощутимыми следами цивилизации, стараясь вновь окунуться в благовонья каменных джунглей, был на границе с настоящей катастрофой. Направляясь к широкой железной двери, однотипным массивным воротам, которые разделяли сектора военно-научного комплекса «Глезе», я понимал: невообразимый коктейль эмоций захлестывал меня с головой. Размышляя о скоропостижной встрече с хищником, во мне воцарился настоящий хаос. Так же сгущали краски, точно капли едкой смолы, и мысли о семье. Я не мог оставить их одних. С какой-то стороны они были и будут смыслом существования, созидания этого мира. Я и не скрываю от своего читателя, что постоянно думал о ней.

Временами мысли были неподвластны моей воле. В чертогах своего разума я мог лицезреть свою семью, отрывки памяти о которой навечно сохранились во мне. Очень часто мне удавалось фантазировать о том, какого им было, когда Герман Хаски, их отец и любящий муж, член несокрушимой и любящей семьи, в которой царила не только гармония, а и взаимопонимание, покинул их. Я представлял Ринату, очаровательную супругу, чье сокровенное лицо никогда не тронет след старости, а морщины и вовсе казались, не сопоставимы с ее сказочной красотой, в разных нарядах, то в бардовом ночном платье, при котором ее худые плечи были бы оголены, или в домашней пижаме, оголяющей ее чувственные ноги. Представлял и своего возмужавшего сына. Я фантазировал о его интересах, внешности, при которой он обязательно должен унаследовать черты своего отца. Я провел бесчисленное количество часов в грезах. Я очень любил свою семью.

В стенах «Глезе», переживая опьяняющий дикий стресс, встречаясь лицом к лицу с гниющими трупами персонала, машинами, одна из которых считала себя живой личностью, а другая целенаправленно старалась уничтожить меня, меня переполняли различные ощущения. В плане эмоций я чувствовал себя перегруженным жестким диском, накопителем, который был попусту забит информацией. Но как раз информации, которая могла бы помочь выбраться, отстегнуть оковы военно-научного комплекса, мне не хватало больше всего.

Наконец, точно крадущийся беглец, я добрался до массивных ворот, ведущих на следующую станцию. Когда же я поднес «перепрошитый» браслет к считывателю у перехода, то дверь плавно потянулась вверх, пока окончательно не поднялась. Программа распознала во мне высокий статус, позволяя двигаться меж станций беспрепятственно – именно этого я и добивался. Помнится мне, что тогда, впервые исследуя «Глезу», такие неприступные ворота казались мне единственным доступным и возможным путем для продолжения любого маршрута. Но обходные пути, скрытые от поверхностных суждений, находились всегда.

Немногие из Вас могут спросить: *были ли станционные ворота аналогично закрыты и во время функционирования военно-научного комплекса?* Прослушав с десяток различных аудиодневников, вероломно присвоив их себе, ознакомившись с различными документами, посмею утверждать, что двери, расположенные между станциями, были закрыты на протяжении всех трех рабочих смен. Причин на то было множество, а главные из них заключались в следующем. Во-первых – права доступа. Рядовой персонал не мог попасть на станции для научного персонала, где могли разрабатывать не только инновационные повседневные, но и засекреченные стратегические разработки, без должного разрешения посещать складные помещения, ведь ресурсы, в некотором своем роде, были ограничены. Во-вторых – безопасность. Робототехника развивалась в безудержной скорости, опережая фантазии своих создателей. Были случаи, когда машина могла выйти из-под рамок корректного поведения – на этот случай были разработаны целые мероприятия. Однако именно межстанционные двери не позволяли сумасбродной машине покинуть заданный сектор. В-третьих – климат. За стенами «Глезы» бушевала непроглядная зима, скверна холода покоряла все живое. В случае разгерметизации станции, комплекс продолжал функционировать без серьезных повреждений, пока жизнеобеспечение не будет полностью восстановлено.

Однако мои самые худшие опасения сбылись. Хищник, услышав рокот поднимающихся ставень дверей, моментально появился на горизонте. Наш взгляд на мгновение пересекся, и передо мной вновь разразилось гневное существо, которое скрепя наточенными мощными челюстями что-то промычало (возможно, его синтезатор речи был поврежден). В его остеклевших глазах сверкали молнии, а буря безумства, непокоренной злости вот-вот была готова обрушиться на меня. Пытаясь обуздать лик страха, я сделал шаг назад, не отрывая взгляда от *Рейджа*. Почувствовав мое отступление, неприкрытую тревогу, существо вмиг бросилось на меня, преследуя лишь с единственной целью – пополнить коллекцию своих жертв, которых, казалось бы, здесь было немыслимое количество. Я сделал еще несколько шагов, недоумевая, что делать дальше. Я был готов вновь броситься наутек, но понимал: он был слишком близко. Отступая, переступив порог следующего сектора, я чувствовал, что теперь такой возможности для побега, которая была на медицинской станции ранее, нет. В тот злополучный момент нас разделяли не десятки метров, а лишь крупинцы этого расстояния, в котором я так нуждался. Создавалось впечатление, что сердце колотится так сильно, вырываясь из своей клетки, что я в любой момент мог потерять сознание, вновь уплывая в пучину собственного страха.

– Не подходи! – дрожащим голосом завопил я, ныряя рукой в свой глубокий карман. – Не подходи ко мне! – молил я.

В тот момент я решил достать единственное оружие, что имел тогда – пистолет, что был мне чужд. Мне хватило смелости выхватить его, интуитивно направив дуло в сторону *Рейджа*. Мне никогда не доводилось не то, что стрелять в движущиеся цели, а элементарно по консервным банкам я никогда не открывал огонь. Оружие неудобно легло в мою ладонь. Мне пришлось взяться за него обеими руками. Оно было мне велико.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.